

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»
Юридический институт
Кафедра теории и истории государства и права

Искусственный интеллект как правовая проблема
(магистерская диссертация)

Выполнила магистрант
2 курса, 391м-ТПА группы,
очного отделения
Печатнова Юлия Вадимовна

Научный руководитель:
канд.юрид.наук, доцент
Авилова Оксана Евгеньевна

Допустить к защите
Зав. кафедрой
д-р.юрид.наук, профессор
Васильев Антон Александрович

«__» _____ 2021 г.

Выпускная квалификационная
работа защищена
«__» _____ 20__ г.
Оценка _____
Председатель ГЭК
Сургуцкий Дмитрий Сергеевич

Барнаул 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношений.....	11
1.1. Искусственный интеллект: история появления термина и подходы к определению понятия	11
1.2. Искусственный интеллект как субъект права	15
1.3. Искусственный интеллект как объект правового регулирования.....	20
Глава 2 Актуальные направления правового регулирования искусственного интеллекта	25
2.1. Большие данные как объект правового регулирования	25
2.2. Цифровая валюта как объект правового регулирования	33
2.3. Киберспорт как объект правового регулирования	43
2.4. Информационные права в системе прав и свобод человека.....	50
Глава 3 Искусственный интеллект как основная проблема юридической футурологии.....	61
3.1. Юридическая футурология: понятие, методология	61
3.2. Футурологический проект цифровизации судебной ветви власти	64
3.3. Футурологический проект цифровизации исполнительной ветви власти.....	68
Заключение	76
Библиографический список	79

Введение

А.Т. Джошуа отмечает, что новейшие технологии составляют около одной трети математики и две трети теории игр, где основным игроком выступает человек, а его основная обязанность – контролировать процесс «сложной игры». ¹ Поэтому человеческий элемент в искусственном интеллекте превышает все.

Очарование технологиями – это основной идеологический контекст современной реальности, но очарование это – далеко не безопасное и безобидное увлечение. Есть опасение, что «идеология-технология» нацелена на то, чтобы незаметно поменять ключевой планетарный код – «со слова на цифру».²

Ввиду того, что система искусственного интеллекта постепенно становится интегральной платформой, от мощи которой напрямую зависит конкурентоспособность государства, а искусственному интеллекту свойственно постоянное, непрерывное усовершенствование и обновление, поздняя реакция государства может сделать цифровую платформу уязвимой даже для среднестатистического программиста.

Важно отметить, что ключевым отличием искусственного интеллекта от других высокотехнологичных машин является «автономность», которая подразумевает возможность эволюционирования и самосовершенствования от запрограммированной управляемой машины к полуавтономной и даже полностью автономной сложной системе, способной к самостоятельным действиям.

Соответственно, искусственный интеллект может генерировать результаты, которые не охватывались замыслом разработчика, но стали

¹ Joshua, A.T. The Human Element: The Under-Used and Underutilized Component Vital to Fostering Blockchain Development. – 2019. – URL .:

<https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlufac/537> (дата обращения: 14.06.2021).

² Поляков, М.П. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы / М.П. Поляков, А.Ю. Смолин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №2 (42). – С. 245 – 249.

возможны благодаря внедрению в программу способности к анализу и сопоставлению неограниченного объема данных.

Таким образом, новая научная революция значительно изменила мир, но действующее правовое регулирование пока не способно контролировать процесс «сложной игры».

Развитие цифровых технологий демонстрирует продолжительную тенденцию к снижению охранительных способностей существующих правовых институтов, что обостряет конфликт между преимуществами современных технологий и действующим законодательством.

В этой связи, формируется запрос общества на более усовершенствованное, мобильное, цифровое (возможно, лишенное государственной идентичности) право.

В настоящее время профессиональное юридическое сообщество нацелено на поиск путей заполнения нормативного вакуума, в котором происходит развитие цифровых технологий, в связи с чем, исследование искусственного интеллекта как правовой проблемы, которое позволит оценить его позитивное и негативное воздействие на общественные отношения и предложить модели оптимального правового регулирования, видится актуальным.

Цель работы заключается в выявлении правовых проблем использования искусственного интеллекта и путей их преодоления.

Исходя из поставленной цели, выдвигаются следующие задачи исследования:

- анализ проблемы определения места искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения;
- изучение проблем, связанных с правовым регулированием общественных отношений с участием искусственного интеллекта;
- выявление перспектив правового регулирования использования искусственного интеллекта.

Объектом исследования являются общественные отношения, рассматриваемые через призму влияния искусственного интеллекта. Правовые средства, регулирующие использование искусственного интеллекта, выступают предметом исследования.

Новизна темы обусловлена низкой степенью изученности заявленной проблемы как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке в условиях очевидной потребности в совершенствовании правового регулирования использования цифровых технологий.

Теоретическая значимость исследования заключается в содействии исполнению задач, обозначенных Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, а именно совершенствования механизма правового регулирования в области искусственного интеллекта.

Социальная и практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать полученные результаты для беспрепятственного внедрения новейших технологий, являющихся катализатором экономического роста и способствующих развитию цифровой экономики.

Научная литература по данному исследовательскому направлению сводится к фрагментарному изучению отдельных аспектов влияния искусственного интеллекта на право.

Тематика цифровых технологий в отечественной науке рассматривается, как правило, в технологическом или экономическом аспектах. Однако в последнее десятилетие, в связи с усложнением социально-экономической и технологической роли искусственного интеллекта, тема цифровых технологий приобрела популярность в отечественных правовых исследованиях.

Основными авторами научных работ, связанных с тематикой правового регулирования искусственного интеллекта в отечественной юриспруденции, являются В.В. Архипов и В.Б. Наумов.

В.В. Архипов выступает разработчиком концепции Интернет-права как комплексного правового института. В этой связи, научные интересы В.В. Архипова охватывают широкий спектр правовых проблем, связанных с правовыми отношениями различной отраслевой принадлежности, реализуемыми посредством сети Интернет.

Ряд научных работ по теме правового регулирования компьютерных игр подготовлены В.В. Архиповым в соавторстве с В.Б. Наумовым, являющимся автором первых в России и СНГ монографий, посвященных правовому регулированию Интернета и телемедицины (2002). В сферу научных интересов В.Б. Наумова также входят комплексные вопросы правового регулирования отношений в сети Интернет.

В диссертационной работе Р.Ф. Азизова «Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование» (2016) освещается комплекс общих подходов к правовому регулированию сети Интернет в различных странах.

В 2019 году по специальности «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» Е.В. Пономаревой была защищена диссертационная работа по теме «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения», в которой автор провела анализ возможностей наделения правосубъектностью искусственного интеллекта и роботов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение темы искусственного интеллекта в отечественной юридической науке носит фрагментарный характер: исследуются конкретные правовые проблемы преимущественно в сфере Интернет-права и предлагаются различные способы их устранения.

Диссертационные исследования по теме правового регулирования непосредственно искусственного интеллекта и цифровых технологий в отечественной науке отсутствуют.

В зарубежной науке тематика искусственного интеллекта также более проработана в сфере технических и социально-экономических наук, однако научный интерес к правовым проблемам использования цифровых технологий в зарубежной науке возник гораздо раньше, чем в отечественной.

Одной из авангардных и ключевых зарубежных научных работ, посвященных роли искусственного интеллекта в правовом пространстве, является работа американских авторов Buchanan V. G., Headrick T. E., опубликованная в Стэнфордском научном журнале в 1970 году («Some speculation about artificial intelligence and legal reasoning»). В указанной научной статье впервые обозначена проблема делегирования некоторых юридических задач искусственному интеллекту.

Среди более современных авторов зарубежных публикаций по заявленной тематике следует отметить следующих: Alben A., Avakian S., Peikin S., McDonald J., Body B., Gervais D., Quintais J.P., Joshua A.T., Markovic M., Mik E., Schuster W.M. Steven P.T., Stewart, L., Trautman L.J., Tyler J., Ying, H. и др.

В состав эмпирической основы исследования вошли социально-экономические данные, а также немногочисленные в силу специфики правового исследования материалы судебной практики.

При написании работы были использованы общефилософский диалектический метод, позволивший отразить эволюцию развития искусственного интеллекта и его влияния на правоотношения; общенаучные системный метод, абстрактно-логический, метод анализа и синтеза, способствовавшие выявлению правовых проблем внедрения искусственного интеллекта; частно-научные методы, включая историко-правовой, метод включенного наблюдения, метод герменевтики и синергетики, посредством которых проводилось изучение постепенного преобразования искусственного интеллекта в правовую проблему.

Среди специально-юридических методов использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический

метод позволил детально изучить нормативно-правовую основу российского и зарубежного права и выявить возможности применения цифровых технологий в рамках действующего законодательства. Сравнительно-правовой метод нашел выражение в проведении сравнительного анализа отечественной и зарубежной концепций правового регулирования использования искусственного интеллекта.

Среди ограничений используемой методологии следует отметить невозможность полноценного использования формально-юридического метода ввиду того, что правовое регулирование исследуемых вопросов представлено, как правило, немногочисленными документами программного и стратегического характера.

Таким образом, совокупность указанных методов обеспечивает проведение качественного исследования искусственного интеллекта как правовой проблемы.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы на данный момент опубликованы в 11 научных сборниках и 2 монографиях:

1. Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. Impacto de la inteligencia artificial en la esfera legal (Воздействие искусственного интеллекта на правовую сферу) *Religación. Revista De Ciencias Sociales Y Humanidades*, 4(19), 115 – 121.

2. Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В. Этические и юридические аспекты внедрения цифровых технологий в транспортной сфере / *Материалы XX городской научно-практической конференции молодых ученых Молодежь-Барнаула*, 2019. – С. 161 – 162.

3. Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В. Внедрение интеллектуальных транспортных систем как эффективный способ повышения безопасности дорожного движения: опыт России и зарубежных стран// «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники»: сборник научных статей международной конференции (Барнаул, 13-16 ноября 2018 г.). – АлтГУ ; отв. ред. Е. Д. Родионов. – Электрон. текст. дан. (250 Мб). –

Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD). С. 2901 – 2906.

4. Печатнова Ю.В., Теобальдт Б.А. The law and computer ethics (Право и компьютерная этика) // Вестник современных исследований : электронное научно-практическое периодическое издание : Омск. Научный центр «Орка», Выпуск № 9-4(24) (Сентябрь, 2018). – С. 431 – 433.

5. Pechatnova Yulia V., Kovalenko Kseniya E., Statsenko Daria A. The legal regulation of digitalization of some areas of public life in modern theory of State and Law. Estação Científica (UNIFAP), Macará, v. 9, n. 2, p. 55-62, 2019.

6. Печатнова Ю.В., Васильев А.А., Мухопад В.В. Изучение системных проблем Интерне-сети в юридическом контексте // Бизнес. Образование. Право, 2020. – №4 (53). – С. 240 – 243.

7. Печатнова Ю.В., Коваленко К.Е., Стаценко Д.А., Коваленко Н.Е. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 2020. –Т. 36 №4. –С. 169 – 173.

8. Печатнова, Ю. В., Васильев А.А. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право, 2020. – 1(4). – С. 74 – 83.

9. Печатнова Ю.В., Васильев А.А. Правовые риски использования биткойна как средства платежа // Проблемы правовой и технической защиты информации : сб. тезисов докл. VII Всерос. междисциплинар. молодеж. науч. конф., 15-16 июня 2020 г. / АлтГУ ; редкол.: В. В. Поляков (отв. ред.) [и др.]. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2020. – С. 10 –13.

10. Печатнова Ю.В., Кузина Е.В. Artificial Intelligence Development as the Legal Problem // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета : материалы VII региональной молодежной конференции «Мой выбор — НАУКА!», XLVII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. — Вып. 17. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — С. 256 – 259.

11. Печатнова Ю.В., Васильев А.А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал, 2020. – №2. – С. 14 – 18.

12. Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии : монография / под общ. ред. В. С. Белых, А. П. Алексеенко. — Москва : Проспект, 2021. — 128 с. (Параграф 1.3 – С.24-27).

13. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 432 с. (Параграф 2.5 – С.188 – 198).

Структура работы predetermined целью и задачами исследования, включает в себя введение, три главы, заключение и библиографический список.

Глава 1 Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношений

1.1. Искусственный интеллект: история появления термина и подходы к определению понятия

Е.В. Боровская отмечает, что идея создания искусственного интеллекта не так современна, как кажется на первый взгляд. Родоначальником теории искусственного интеллекта можно назвать испанского философа и математика Раймонда Луллия, который в XIII веке предпринимал попытки создания механического устройства для решения сложных задач на основе заранее разработанной классификации понятий.³

История искусственного интеллекта как нового научного направления начинается со второй половины XX века. Важную роль в развитии теории искусственного интеллекта сыграли публикации Алана Тьюринга, в которых обсуждались проблемы создания устройств, способных самостоятельно решать различные сложные задачи. В частности, Алан Тьюринг впервые предложил считать интеллектуальной такую машину, которую испытатель в процессе бесконтактного общения не сможет отличить от человека.⁴

Знаковым событием в развитии искусственного интеллекта стала американская рабочая конференция, состоявшаяся в 1956 году в университете Дартмута, с участием Джона Маккарти (автор термина «Artificial Intelligence»), Марвина Ли Минского, Аллена Ньюэлла, Герберта Саймона, Клода Шеннона, Алана Тьюринга, и других ученых, которых по праву называют основателями сферы искусственного разума.⁵

В качестве «даты рождения» искусственного интеллекта как научного направления в советской России О.Е. Масленникова и И.В. Попова

³ Боровская, Е.В. Основы искусственного интеллекта : учеб. пособие / Н.А. Давыдова, Е.В. Боровская .— 3-е изд. (эл.). – URL: <https://rucont.ru/efd/443263> (дата обращения: 06.05.2020).

⁴ Ларина, Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. («Коллекция Изборского клуба») / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир. – 2018. – С. 218.

⁵ Там же.

обозначают 1954 год, когда под руководством профессора А.А. Ляпунова начал работу семинар «Автоматы и мышление». ⁶

Итак, впервые термин «Artificial Intelligence» был предложен англоязычной публике. В научной литературе отмечается, что русский перевод данного термина – «Искусственный Интеллект» – не является аутентичным. Слово «intelligence» означает «умение рассуждать разумно», для понятия «интеллект» имеется отдельный английский аналог: «intellect». В этой связи, Е.В. Бобровская отмечает, что в довольно неудачно русском переводе данный термин приобрел слегка фантастическую антропоморфную окраску. ⁷

Дискуссионным является не только перевод термина «Artificial Intelligence», но и смысл, вкладываемый в указанное понятие.

Исторически первым подходом к определению понятия искусственного интеллекта можно назвать тест Тьюринга, в соответствии с которым программное устройство следует считать искусственным интеллектом, если при общении с компьютером посредством анонимного канала связи нельзя понять, с кем идет беседа – с человеком или машиной.

Развитие вычислительных мощностей интеллектуальных машин привело к оформлению современного подхода к определению понятия «искусственный интеллект», нашедшего отражение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490.

Согласно Национальной стратегии искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач

⁶ Масленникова, О.Е. Основы искусственного интеллекта : учеб. пособие / О.Е. Масленникова, И.В. Попова. — Магнитогорск : МаГУ. – 2008. — 282 с.

⁷ Боровская, Е.В. Основы искусственного интеллекта [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н.А. Давыдова, Е.В. Боровская.— 3-е изд. (эл.). – URL: <https://rucont.ru/efd/443263> (дата обращения: 06.05.2020).

результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.⁸

Исходя из легального определения понятия, можно выделить следующие признаки «искусственного интеллекта»:

- технологичность, под которой следует понимать наличие технического устройства – носителя программного обеспечения;
- интеллектуальность, под которой следует понимать способность решения задач высокого уровня сложности с использованием когнитивных функций, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человеческого мозга;
- результативность, под которой следует понимать способность к автономной работе и самостоятельному принятию решения.

Итак, легальное определение является широким, так как преследует цель охватить обширный круг возможных достижений в развитии искусственного интеллекта путем перечисления сфер потенциальной применимости технологии искусственного интеллекта.

При этом широкий подход к определению понятия на данном этапе является скорее преимуществом, чем недостатком. Так, Бернард Марр отмечает, что определения искусственного интеллекта начинают меняться в зависимости от целей, которые пытаются достичь с помощью системы искусственного интеллекта.⁹

⁸ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (Дата обращения 06.05.2020).

⁹ Marr, B. The Key Definitions of Artificial Intelligence (AI) That Explain Its Importance. – URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/02/14/the-key-definitions-of-artificial-intelligence-ai-that-explain-its-importance/?sh=d8c01ee4f5d8> (дата обращения: 05.01.2021).

На сегодняшний день развитие искусственного интеллекта нацелено, прежде всего, на обеспечение роста благосостояния и качества жизни населения.

Способом достижения поставленной цели выступает постепенное применение технологий искусственного интеллекта в разные сферы жизнедеятельности общества.

Вместе с тем, безопасному и безболезненному внедрению новых технологий должно предшествовать создание необходимой правовой основы.

Российское и международное нормотворчество в сфере искусственного интеллекта, как правило, ограничиваются документами стратегического характера (например, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта или Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте).

Отраслевое законодательство характеризуется внесением фрагментарных изменений (например, внесение положений о цифровых права в Гражданский кодекс РФ или введение главы о преступлениях в сфере компьютерной информации в Уголовный кодекс РФ и т.д.).

Вместе с тем, во всех указанных правовых актах термин носит скорее технический, чем правовой характер, поэтому можно сделать вывод о том, что, несмотря на легальное закрепление понятия, правовая определенность термина «искусственного интеллекта» не достигнута.

В правовой литературе указанный термин рассматривается через такие смежные категории, как робот, роботизированный агент (робот-агент), роботизированная система, киберфизическая система с искусственным интеллектом и др.

В некоторых теориях предлагается вкладывать в понятие «искусственный интеллект» сакральный смысл: например, рассматривать

искусственный интеллект как еще одну Вавилонскую башню, или еще один пример попытки человечества узурпировать положение Бога в мире.¹⁰

Отметим, что идея поглощения искусственным интеллектом внутреннего мира человека и превращения в глобальный объект поклонения является безосновательно преувеличенной. Она только подчеркивает правовые риски, возникающие при разработке искусственного интеллекта, и важность моральной ответственности инженеров-робототехников, изначально вынужденных создавать роботов с учетом этических норм и правил.¹¹

Видится, что ключевым вопросом, который необходимо решить в целях правовой определенности, является определение места искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения, так как смешение правовых категорий (например, «робот» или «киберфизическая система») объясняется отнесением искусственного интеллекта одними авторами к субъектам права, а другими авторами – к объектам правового регулирования.

Анализу дискуссии о месте искусственного интеллекта в правоотношении посвящены следующие параграфы.

1.2. Искусственный интеллект как субъект права

Согласно общей теории права субъектами права являются лица или организации, за которыми признано законом особое юридическое свойство (качество) правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных правоотношениях с другими лицами и организациями. Правосубъектность включает способность иметь права и обязанности. В этой связи, признаком правосубъектности выступает автономия воли.

Первоначально, в рамках исторически первого подхода к определению понятия «искусственный интеллект», правовое регулирование рационального

¹⁰ Campbell, H. A. *Networked Theology: Negotiating Faith in Digital Culture* / H. A. Campbell, S. Garner // Baker Academic. – 2016. – P. 18.

¹¹ Asaro, P. *Robots and Responsibility from a Legal Perspective* / P. Asaro // Proceedings of the IEEE. – 2007. – 4(14). – P. 20-24.

использования новых технологий обеспечивалось совокупностью технологических норм.

При рассмотрении искусственного интеллекта в рамках исторически первого подхода, иными словами, как инновационного технического средства, его следует относить к объектам правового регулирования, на которые воздействует право.

Прогрессивное развитие технологии искусственного разума обусловило появление второго подхода к определению понятия «искусственный интеллект», в соответствии с которым отличительным критерием искусственного интеллекта является его способность к автономным действиям и самосовершенствованию.

Возможности автономного принятия решений искусственным интеллектом и их последующей самостоятельной реализации как признаки искусственного интеллекта, по мнению А.А. Васильева и Д. Шпопера,¹² обусловили выход сферы искусственного разума за границы технологических норм и вызвали необходимость формирования комплекса дополнительных правовых норм для рационального применения и использования технологии.

Учитывая второй подход, подчеркивающий способность искусственного разума к самостоятельному принятию решений, искусственный интеллект может рассматриваться как субъект права, способный реализовывать субъективные права и осуществлять юридические обязанности.

Так, возможность наделить самосознанием робота доказывается в работах Р. Джордж Райта, который полагает, что большинство продвинутых

¹² Васильев, А.А. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А.А. Васильев, Д. Шпопер // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – 6(104). – С. 23 – 26.

роботов могут обладать некоторой степенью самосознания или способностью самостоятельно воспринимать явления окружающей среды.¹³

Рассмотрим возможность включения искусственного интеллекта в классический состав субъектов права, который включает физические, юридические лица и публично-правовые образования.

Попытки сравнения искусственного интеллекта с физическими лицами не выдерживают критики с точки зрения физиологии.

Когнитивные способности искусственного интеллекта весьма ограничены в сравнении с человеческими функциями мозга.

Так, несмотря на то, что искусственная нейронная сеть построена по принципу функционирования биологических нервных клеток живого организма, она состоит из входного слоя; одного или нескольких скрытых слоев и одного выходного слоя нейронов. Таким образом, наиболее совершенные искусственные нейронные сети имеют пять-шесть слоев. Человеческий мозг содержит миллиарды нейронов с миллиардным количеством связей. Также в искусственных нейросетях слои нейронов срабатывают по очереди, последовательно; в человеческом мозге обмен информацией между нейронами идет параллельно и асинхронно.

Таким образом, попытки полноценного замещения человеческого мозга искусственным интеллектом несостоятельны по причине того, что искусственная нейросеть всегда будет подобием, не способным повторить оригинала.

Несмотря на то, что признание искусственного интеллекта субъектом права посягает на исключительный статус человека, в зарубежной литературе предлагается использовать компромиссные концепции, или статус «на

¹³ Wright, R. G. The Constitutional Rights of Advanced Robots (and of Human Beings). – 2019. – URL: <https://scholarworks.uark.edu/alr/vol71/iss3/2> (Дата обращения: 14.06.2021).

полпути», примером которой является немецкая концепция *Teilrechtsfähigkeit* (частичная правоспособность).¹⁴

Ввиду того, что юридические лица являются субъектами права фиктивно, искусственный интеллект по аналогии с юридическими лицами может также обладать некоторыми признаками субъекта права. Например, иметь регистрацию и учетный номер, обладать производственно-хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать материальной ценностью; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации).¹⁵

Такая аналогия предвосхищает идею того, что искусственный интеллект вполне обоснованно можно рассматривать как очередную юридическую фикцию, созданную в целях упрощения правового регулирования.

В научной литературе предлагается самостоятельный термин, обозначающий искусственный интеллект как субъекта права – «электронное лицо» – и являющийся исключительно юридической формулировкой, а не биоэтической или философской констатацией.¹⁶

Однако данная позиция видится несостоятельной по следующим причинам.

Во-первых, указанная позиция поддерживает интересы разработчиков искусственного интеллекта, освобождая их от социальной и юридической ответственности за последствия своих разработок.¹⁷

¹⁴ Schirmer, J. E. Artificial intelligence and legal personality: Introducing «Teilrechtsfähigkeit»: A partial legal status made in Germany / J.-E. Schirmer // *Regulating Artificial Intelligence*. – 2019. – P. 123 – 142.

¹⁵ Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

¹⁶ Морхат, П.М. К вопросу правосубъектности «электронного лица» / П.М. Морхат // *Юридические исследования*. – 2019. – №4. – С. 1 – 8.

¹⁷ Цуканова, Е.Ю. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом / Е.Ю. Цуканова, О.Р. Скопенко // *Вопросы российского и международного права*. – 2018. – Том 8. № 4А. – С. 42 – 48.

Во-вторых, в отличие от нематериального юридического лица, искусственный интеллект материален (если речь идет о роботах, беспилотных автомобилях) или закреплен на материальных носителях – компьютерах (если речь идет о программах).

В-третьих, действия юридических лиц всегда восходят к действиям индивида или группы людей. Действия систем на основе искусственного интеллекта не обязательно будут прямо восходить к действиям человека.

В российской научной литературе получил распространение термин «квази-субъект» права, под которым понимается субъект права, не обладающий полноценной правосубъектностью. Некоторые авторы относят к разновидности квази-субъектов публично-правовые образования, выступающие в правоотношениях в лице государственных или муниципальных органов. Однако даже для квази-субъектов права характерно наличие такого качества правосубъектности как воля, которой искусственный интеллект не обладает.

Итак, способность к самообучению и автономной деятельности не является достаточным основанием для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Следует отметить, что с позиции гражданского законодательства к животным применяются общие правила об имуществе, несмотря на их высокие когнитивные способности, возможности самообучения и самосовершенствования.

Таким образом, искусственные нейронные сети являются максимально упрощенной моделью созданного миллионами лет эволюции человеческого мозга. Однако проще — не значит хуже. Обученная под конкретную задачу, искусственная нейросеть может легко превзойти способности человека.

Бесспорным преимуществом искусственного интеллекта является способность молниеносной обработки неограниченного числа данных, техника превращения этих данных в цифру, обработка этой цифры методами статистики и дискретной вычислительной математики и получение ответа в интуитивно понятном для человека виде.

Вместе с тем, несмотря на мощный когнитивный потенциал и способность самостоятельно принимать решения, искусственный интеллект обладает лишь той частью свободы воли, возможность обладания которой запрограммирована производителем технологии, и поэтому не является самостоятельным носителем правосубъектности и полноценным субъектом права.

Кроме того, искусственный интеллект не является носителем критически важных составляющих личности (души, свободного сознания, чувств, интенциональности, личных интересов). Поэтому, несмотря на сверхмощную скорость обработки информации, в разы превосходящую возможности человека, искусственный интеллект остается программой с привязанным к ней материально техническим обеспечением.¹⁸

На основе изложенного, можно сделать вывод о том, что отнесение искусственного интеллекта к субъектам права является преждевременным и нецелесообразным.

1.3. Искусственный интеллект как объект правового регулирования

Под объектом правового регулирования в общей теории права следует понимать те материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы управомоченной стороны правоотношения.

Перечень объектов гражданского права отражен в ст. 128 Гражданского кодекса РФ об объектах гражданских прав.¹⁹

В правовой науке отсутствует единство мнений по поводу отнесения искусственного интеллекта к той или иной разновидности объектов права.

¹⁸ Шестак, В. А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 197– 206.

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/ (дата обращения: 14.06.2021).

Во-первых, к технологии, закрепленной на материальном носителе и вовлеченной в гражданский товарооборот (роботы, беспилотные автомобили, дроны), можно применять правовой режим вещи.

Вещь является одним из основных объектов гражданских прав. В связи с тем, что законодатель не дает легального определения «вещи», то ее можно толковать расширительно, в частности считать вещами все телесные материальные блага.

С этой точки зрения искусственный интеллект – индивидуально-определенная вещь с присущим уникальным производственным кодом и регистрационным номером.

Так, согласно актуальной редакции Воздушного кодекса РФ устанавливается обязательная сертификация, аттестация и государственная регистрация беспилотных летательных аппаратов (дронов).

Во-вторых, искусственный интеллект может быть определен как источник повышенной опасности. Как следствие, ответственность за деятельность, связанную с применением искусственного интеллекта, должны нести лица, использующие искусственный интеллект. В случае встроенного дефекта или программирования с ошибкой в коде ответственность в порядке регресса может быть возложена на производителя или разработчика искусственного интеллекта соответственно.

В-третьих, в научной литературе нередко освещается идея отнесения искусственного интеллекта к объектам правового регулирования по аналогии с правовым режимом, предусмотренным для животных.

А. В. Малышкин допускает возможность внесения изменений в гражданское законодательство в части предоставления права требования компенсации морального вреда за уничтожение человекоподобных роботов, наделенных искусственным интеллектом, если будет доказано, что между человеком и человекоподобным роботом существовала сильная эмоциональная связь, и утрата робота повлекла переживания человека либо

существенно ухудшила условия его жизни (например, слепой человек лишился робота-поводыря).²⁰

Согласно вышеизложенным точкам зрения фактически роль искусственного интеллекта может приравняться к имуществу либо занять близкое к нему место.

Однако, вместе с тем, искусственный интеллект выступает охраняемым результатом интеллектуальной деятельности.

В связи с чем, искусственный интеллект может быть отнесен к разновидности компьютерной программы/программы для электронно-вычислительных машин либо к разновидности мультимедийной продукции (от лат. «Multum» («много») «Medium» «центр, средоточие»).

Отнесение искусственного интеллекта к разновидности программ для электронно-вычислительных машин является традиционным правовым подходом.

Однако, ввиду того, что современный искусственный интеллект является сложным объектом, одновременно сочетающем в себе компьютерные технологии и несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение – попытка его отнесения к разновидности мультимедийной продукции также является небезосновательной.

Как следствие, многоступенчатый и многогранный способ разработки искусственного интеллекта подразумевают отсутствие единого автора программы, который заменяется авторской группой. Согласно гражданскому законодательству авторские права не распространяются на идеи и концепции. В связи с этим, в компьютерной индустрии отмечается проблема клонирования программ, при котором разработчики клона копируют идею

²⁰ Малышкин, А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А.В. Малышкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – 10(3). – С. 444 – 460.

оригинальной программы, меняя исключительно внешнюю форму ее выражения.

Таким образом, вопрос о правовой квалификации искусственного интеллекта должен разрешаться с учетом обстоятельств, связанных с технической реализацией каждой конкретной компьютерной программы. В этой связи, искусственный интеллект может выступать, в зависимости от ситуации, вещью, источником повышенной опасности, программой для электронно-вычислительных машин, сложным объектом или даже базой данных.

Подведем итоги. Модель правового регулирования искусственного интеллекта напрямую зависит от определения места искусственного интеллекта среди элементов правоотношения.

Проблема отнесения искусственного интеллекта к субъекту или объекту правоотношения является дискуссионной в юридической науке.²¹

На основе проведенного исследования, можно прийти к выводу о том, что относить искусственный интеллект к разновидности субъектов правоотношения преждевременно и нецелесообразно.

В этой связи, искусственный интеллект по состоянию на сегодняшний день следует относить к объектам правового регулирования.

Учитывая специфику данного объекта правового регулирования, в условиях действующего законодательства, видится, что правовое регулирование использования искусственного интеллекта должно носить комплексный характер и быть сосредоточено на нормах о вещном праве, о причинении вреда источником повышенной опасности, а также нормах об авторском праве.

Стремительное развитие и усовершенствование искусственного интеллекта не гарантирует продолжительное существование указанной точки зрения. Вместе с тем, видится, что даже сверхмощный и

²¹ Соменков, С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С.А. Соменков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – №2. – С. 75 – 85.

усовершенствованный искусственный разум в обозримом будущем не сможет занять место самостоятельного субъекта права.

Таким образом, в рамках нашего исследования обосновывается новый подход к правовой природе новейших компьютерных программ, который позволяет упростить правовое регулирование данного предмета как юридического целого, составленного из множества разных частей (кода, текста, дизайна, изображений и т.д.).

Глава 2 Актуальные направления правового регулирования искусственного интеллекта

2.1. Большие данные как объект правового регулирования

Искусственный интеллект открывает колоссальные возможности для создания передовых методов сбора, обработки и хранения информации.

Формированию термина «Большие данные» способствовало его употребление Клиффордом Линчем для обозначения феномена стремительного роста мировых объемов информации.²²

Такие программы способны генерировать результаты, которые не охватывались замыслом разработчика, но стали возможны благодаря внедрению в программу способности к анализу и сопоставлению неограниченного объема данных.

В целом, «Большим данным» свойственны следующие черты:

1. формируются с использованием новейших систем управления базами данных, поэтому «Большие данные» – это не столько сама информация, сколько совокупность информации и технологий ее обработки;
2. представляют собой новую форму производства знаний, основанную на выявлении связей и закономерностей между данными, установлении скрытых тенденций и построении прогнозов;
3. являются динамичным непрерывным процессом обработки данных в мировом масштабе²³;
4. возникают стихийно как побочный результат непрерывной генерации информации; иными словами, это вторичные данные, которые первоначально предназначались для одних целей, но впоследствии

²² Рожкова, М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2019. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения 06.05.2020).

²³ Volume of data/information created worldwide from 2005 to 2025 (in zetabytes) // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/> (дата обращения 06.05.2020).

продолжают генерироваться, трансформироваться и многократно использоваться для других целей;

5. в отличие от традиционных баз данных, основным измерением которых выступает количество информационных единиц, для характеристики «Больших данных» используется несколько измерений – 3Vs: volume (физический объем); velocity (скорость прироста); variety (многообразие данных).

Стремительные темпы роста «Больших данных», высокая актуальность вопроса разработки эффективного законодательства в области использования искусственного интеллекта предопределили формирование различных предложений законодательного регулирования данного вопроса как на национальном, так и на международном уровнях.

В Российской Федерации в рамках Программы «Цифровая экономика», направленной на развитие инновационного потенциала страны, «Большие данные» занимают лидирующую позицию в качестве ключевой цифровой технологии. Вместе с тем, российское законодательство пока не вводит в оборот термин «Большие данные», а также не регулирует вопросы соотношения «Больших данных» с персональными данными.²⁴

На межгосударственном уровне многие предложения по вопросу регулирования защиты информации выдвигаются не в пользу усиления мер по защите персональных данных. Так, в сообщении Европейской комиссии «Искусственный интеллект для Европы» обозначена позиция Европейского союза, которая фиксирует тенденцию к сужению права человека по своему усмотрению владеть и распоряжаться информацией о себе: «...государственная политика должна поощрять более широкую доступность частных данных...».²⁵

²⁴ Соснин, К.А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт / К.А. Соснин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – С. 30 – 43.

²⁵ Урошлева, А. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» – злободневные вопросы ИТ-сферы // Гарант.ру. – URL: <http://www.garant.ru/article/1229761/#ixzz64SV8SGZD> (дата обращения 06.05.2020).

Такое поощрение развития «Больших данных» в межгосударственном масштабе объясняется тем, что информационные потоки оказывают значительное влияние на все секторы мировой экономики. Вследствие чего рынок «Больших данных» постепенно начинает становиться важным катализатором экономического роста.

Примеры успешного использования «Больших данных» многообразны. Так, компания «Spaceknow» обращается к использованию снимков из космоса для прогнозирования цены на нефть: алгоритмы анализа способны определять уровень заполнения крупнейших нефтехранилищ в зависимости от угла падения тени.²⁶

В сфере банковской деятельности наблюдается увеличение активности индустрии информационных брокеров, которые посредством технологий «Больших данных» аккумулируют и анализируют в интересах кредиторов сведения о потенциальных заемщиках.²⁷

Также «Большие данные» обладают значительной коммерческой ценностью для страховых компаний в целях анализа вероятности наступления страхового случая, оценки страховых рисков и определения адекватного размера страховых взносов.²⁸

Таким образом, глобальный оборот «Больших данных» является важнейшим фактором и необходимым условием развития цифровой экономики. Вместе с тем, существенные изменения в сфере информационного оборота затрагивают отношения обмена персональными данными и охраны частной жизни таким образом, что последние требуют принятия дополнительных мер по их защите.

²⁶ Рожкова, М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data // Закон.ру. – 2019. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения 06.05.2020).

²⁷ Савельев, А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Date) / А.И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – С. 43 – 66.

²⁸ Там же.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу.²⁹

В настоящее время персональные данные ограничены в оборотоспособности ввиду публично-правового режима их охраны. Поэтому использование персональных данных в большинстве случаев предполагает их целевое использование.

Учитывая тот факт, что «Большие данные» по своей характеристике являются цифровым активом многократного использования, законодательное закрепление их целевого использования препятствует развитию бизнеса.

Поэтому, ввиду того, что «Большие данные» постепенно переводятся в коммерческую плоскость, персональные данные периодически становятся валютой для оплаты интернет-сервисов, активом компаний, маркетинговым маневром, коммерческим продуктом, предоставляемым информационными брокерами заинтересованным компаниям.

Некоторыми экспертами отмечается, что практика использования персональных данных как части «Больших данных» неизбежна, поэтому следует предусмотреть возможность легального введения персональных данных в гражданский оборот.

Среди аргументов в пользу данной меры высказываются следующие: во-первых, предотвращение появления теневого рынка персональных данных и согласование оборота персональных данных с законодательством; во-вторых, устранение барьеров в построение цифровой экономики; в-третьих, сужение содержания персональных данных и изменение порядка их использования не означает нарушение неприкосновенности частной жизни.³⁰

²⁹ О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.06.2020).

³⁰ Урошлева, А. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» – злободневные вопросы IT-сферы // Гарант.ру. – URL: <http://www.garant.ru/article/1229761/#ixzz64SV8SGZD> (дата обращения 06.05.2020).

В качестве альтернативной меры предлагается перевести в сферу гражданского оборота пользовательские данные, а персональные данные оставить необоротоспособными. Однако введение данной меры осложняется несовершенством понятийного аппарата: соотношение категорий «информация», «Большие данные», «пользовательские данные», «персональные данные» остается неясным.

Информация как таковая является объектом гражданских прав.

Персональные данные представляют собой разновидность информации, которая не может выступать в качестве объекта гражданско-правовых сделок. Вместе с тем, персональные данные не являются полностью исключенными из гражданского оборота, о чем свидетельствует возможность использования персональных данных с согласия субъекта персональных данных.

Пользовательские данные представляют собой совокупность не содержащей персональных данных информации о физических лицах и их поведении, не позволяющей без использования дополнительной информации или дополнительной обработки определить конкретное физическое лицо. Совокупностью пользовательских данных также зачастую определяют понятие «цифровой личности». Исходя из определения, пользовательские данные могут являться объектом гражданского оборота.

Вместе с тем, разграничение пользовательских данных и персональных данных, введение в оборот одних и усиление мер по защите от оборота других не представляется возможным. Ключевым риском является возможность деанонимизации данных искусственным интеллектом, который обладает способностью при совместном анализе нескольких обезличенных баз пользовательских данных установить персональные данные конкретного человека.³¹

³¹ Войниканис, Е.А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова, Г.С. Тюляев // Гражданское право. Гражданский процесс. – 2018. – №4. – С. 137 – 148.

Таким образом, два основных фактора: рост производительности и доступности вычислительных мощностей искусственного интеллекта, а также огромный массив доступной в сети Интернет личной информации – обуславливают неизбежность гражданского оборота пользовательских данных и вследствие этого техническую возможность деанонимизации даже тщательно обезличенных данных.

Несколько практических примеров свидетельствуют о том, что на сегодняшний день не сложилось единообразной судебной практики по вопросу оборота пользовательских данных и защиты персональных данных.

Во-первых, компания «ВКонтакте» подала иск о защите прав на базу данных пользователей социальной сети к компании «Double Data» и Национальному бюро кредитных историй. Согласно заявлению истца ответчики извлекали данные пользователей социальной сети и обрабатывали их в коммерческих целях. Возражая против удовлетворения исковых требований, компания «Double Data» заявила, что у «ВКонтакте» нет исключительных прав на созданную базу данных. Ввиду того, что для социальной сети эта база является не основным, а побочным продуктом, ограничить использование общедоступных данных можно только федеральным законом.

Суд первой инстанции отказал компании «ВКонтакте» в удовлетворении исковых требований. Суд апелляционной инстанции отметил, что «ВКонтакте» обладает исключительными правами на базу данных, на организацию и поддержание которой компания несет расходы. Поэтому решение суда первой инстанции было отменено, по делу принято новое решение, которым исковые требования «ВКонтакте» были удовлетворены в полном объеме.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда апелляционной инстанции, которое запрещало «Double Data» использовать открытые данные «ВКонтакте» в коммерческих целях. Суд, рассматривая спор, не счел доказанным тот факт, что «Double Data» извлекала данные пользователей

именно из собранной в социальной сети базы данных, ввиду того, что технология работает по принципу поисковиков, и открытые данные аккумулируются из различных ресурсов.³²

Во-вторых, аналогичным, продолжительным и неоднозначным, стал спор между компанией «HeadHunter» и ООО «Стафори». Согласно доводам истца сервис ООО «Стафори» извлекал коммерческую пользу из базы данных резюме ресурса hh.ru и предоставлял доступ к данным третьим лицам без согласия кадрового портала.³³

В-третьих, показательным является судебный процесс в отношении Google о нарушении конфиденциальности роботами, внедренными корпорацией на интернет-платформах. Так, пользователь почты (истец) обнаружил, что рекламные объявления, отображающиеся на интернет-страницах, соответствуют содержанию его личной переписки. Оказалось, что робот сканирует содержание переписки, исходя из которой узнает интересы и предпочтения пользователя и формирует рекламное объявление, соответствующее личным предпочтениям истца.

Таким образом, своими действиями ответчик, разработавший и внедривший робота, нарушает конституционное право на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность переписки.

Решением суда иски были удовлетворены, и установлен запрет на ознакомление робота с личной перепиской граждан.³⁴

Однако, видится, что данный запрет на использование встроенного алгоритма «сканирования» текста, набираемого пользователем в сети Интернет, носит условный характер. Во-первых, процесс сбора и обработки «Больших данных» зачастую является бесконтрольным. Во-вторых,

³² Брезгулевская, Л. ВКонтакте & Дабл: дело о запрете продажи данных пользователей базы данных соцсети // Закон.ру. – 2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/12/v_kontakte__dabl_delo_o_zaprete_prodazhi_dannyh_polzovatel_ej_bazy_dannyh_socseti (дата обращения 06.05.2020).

³³ Там же.

³⁴ Google Case. – URL: <http://sutyajnik.ru/documents/4894.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).

экономическое преимущество таргетированной рекламы во многом превышает правовые проблемы, вызванные ею.

Поэтому, несмотря на охрану частой жизни и установленные в связи с нею запреты, Интернет-корпорации, социальные сети, платформы для онлайн-торговли становятся обладателями цифровых досье на граждан по всему миру.

В этой связи, интересно мнение Маршалла Маклюэна, который полагает, что интернет и конфиденциальность – несовместимые понятия. По его мнению, решающую роль в утрате охранительных способностей института неприкосновенности частной жизни сыграла урбанизация.

Данные антропологов и лингвистов свидетельствуют о том, что в большинстве традиционных обществ отсутствует само понятие «приватности». Так, урбанизация есть порождение технологического процесса не только в средствах производства, но и в системах человеческого общежития.

Первоначально, с расцветом урбанизации и при непродолжительном отсутствии развитых средств коммуникации гражданам приходилось «платить» за приватность менее тесными социальными связями и чувством одиночества.

Вместе с тем, в книге «Понимание медиа: внешнее расширение человека» Маршалл Маклюэн указал, что повсеместное распространение телевидения, а вслед за ним потокового видео повернет историю вспять и человечество опять окажется жителями «одной глобальной деревни», в которой с конфиденциальностью будет покончено.³⁵

Подведем итоги. Действующее законодательство предполагает, что обработка личной информации осуществляется исключительно с согласия субъекта персональных данных.

³⁵ Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». — 2003. — 464 с.

Вместе с тем, «Большие данные» несовместимы с концепцией информированного, конкретного и сознательного согласия как главного основания легитимации обработки персональных данных. Более того, технологические возможности «Больших данных» свидетельствуют о том, что обезличивание персональных данных постепенно перестает являться гарантией их анонимности.

В этой связи, необходим либо радикальный пересмотр концепции защиты персональных данных и решение вопроса о том, какие данные являются товаром, а какие – неотчуждаемым имущественным благом; либо создание технологии более высокого качества, способной блокировать деанонимизацию.

Следует отметить, что внимание законодателя должно быть сосредоточено на следующих правовых рисках. Во-первых, искусственный интеллект может достичь непреднамеренных результатов, влекущих правонарушения или преступления. Во-вторых, действующим законодательством не проработан вопрос об ошибках при программировании и их последствиях (некачественный код или неверный алгоритм).

Правовой риск получения искусственным интеллектом доступа к неограниченному количеству данных может быть предотвращен путем проведения периодического информационного аудита системы и удаления излишних пользовательских данных, в том числе персональных данных тех лиц, которые не подпадают под определенные критерии.

2.2. Цифровая валюта как объект правового регулирования

Гражданско-правовая сфера наиболее подвержена влиянию искусственного интеллекта. В настоящей работе предлагается проанализировать один из основных аспектов воздействия искусственного интеллекта на гражданско-правовые отношения – возможность оборота криптовалюты.

В соответствии с федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» от 18.03.2019 №34-ФЗ в объекты гражданского права были включены цифровые права.³⁶

Вместе с тем, несмотря на изменения гражданского законодательства в сторону цифровизации, криптовалюта по-прежнему не имеет официального статуса на территории РФ, поскольку не относится к цифровым правам.

Мировой и отечественный опыт, научные взгляды, правоприменительная практика формируют прямо противоположенные позиции: от полного отрицания до максимального поощрения внедрения криптовалюты в легальный оборот.

Прежде всего, следует отметить, что исследование цифровой валюты осложняется обширной терминологией и отсутствием единообразия в определении базовых понятий. Так, зачастую невозможно разграничить смысловое содержание терминов: «цифровая валюта», «цифровые деньги», «электронные деньги», «киберличность», «виртуальная валюта», «криптовалюта» и т.д.

В данном исследовании под цифровой валютой предлагается понимать собирательный термин, обозначающий «неосязаемый» вид денег, которыми можно распоряжаться только при помощи электронных кошельков или специальных Интернет-ресурсов.

Виртуальную валюту следует отнести к разновидности цифровой валюты, которая создается и реализуется участниками определенного виртуального сообщества.

В свою очередь, в качестве особого вида виртуальной валюты следует выделить криптовалюту, безопасность использования которой обеспечивается алгоритмами шифрования и методами криптографии.

³⁶ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ : федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.06.2020).

На сегодняшний день наиболее популярным видом криптовалюты считается биткойн (от англ. «bitcoin», где «bit» – единица измерения количества информации, «coin» – денежная единица измерения).

Так, некоторые аналитики утверждают, что покупательская способность биткойна по отношению к доллару и евро устойчиво и стремительно растет.

Другими экспертами отмечается, что в словосочетании криптовалюта употребление термина «валюта» неуместно, так как криптовалюта не попадает под действие законодательства о валютном регулировании и не является валютой в традиционном смысле данного слова. Поэтому криптовалютный рынок является исключительно «паразитическим» сегментом финансового рынка с непродолжительным и тупиковым периодом существования.³⁷

Появление биткойна на финансовом рынке носит отчасти мифологичный характер. Разработка первой версии программного обеспечения, в которой осуществлялась реализации биткойна, связывается с псевдонимом человека (группы лиц) Сатоши Накамото, который действовал анонимно. Неоднократно предпринимались попытки раскрыть реальную личность, запустившую сеть биткойн, но безрезультатно.

«Днем рождения» сети биткойн можно обозначить дату 31.10.2008. В этот день специалисты по криптографии, включенные в закрытый список рассылки, получили письмо по электронной почте, подписанное Сатоши Накамото. К данному письму прилагалась статья под названием «Биткойн: одноранговая электронная денежная система», в которой подробно был изложен порядок функционирования новой электронной системы денежных расчетов.³⁸

³⁷ Запорожан, А.Я. Эволюция финансового рынка. Криптовалюта / А.Я. Запорожан // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. – С. 77 – 85.

³⁸ Биткойн: одноранговая электронная денежная система. – URL: <https://medium.com/bitcoin-review/> (дата обращения: 06.05.2020)

Основная идея новой системы заключалась в реализации денежных операций без привлечения третьей доверенной стороны.

По мнению Сатоши Накамото, все коммерческие операции требуют привлечения финансовых учреждений в качестве доверенных посредников. Вместе с тем, посредничество, с одной стороны, создает неизбежные проблемы ввиду уязвимости самого института «доверия», а с другой стороны, увеличивает стоимость транзакции.

Новаторская платежная система, основанная Сатоши Накамото, базируется на следующих принципах:

1. позволяет осуществлять перевод денежных средств напрямую, без участия посредника;

2. представляет собой пиринговую систему (с англ. «peer-to-peer» (P2P) – равный к равному). В. Овчинский и Е. Ларина приводят показательный пример, иллюстрирующий отличительные характеристики функционирования пиринговой системы. Так, если работа сети Интернет похожа на многоэтажный дом, в котором пользователи и провайдеры имеют различный объем возможностей, полномочий и ответственности, то пиринговая (одноранговая, децентрализованная) сеть похожа на одноэтажный дом, в котором все участники находятся в равном положении по отношению друг к другу;³⁹

3. основой хранения данных в системе является «блокчейн» в виде цепочки доказательств проделанной работы (с англ. «proof-of-work»). Иными словами, биткойн – это системный протокол, обозначающий базовый набор программных инструкций, который позволяет компьютерам устанавливать связь друг с другом;⁴⁰

4. уникальность принципов эмиссии биткойнов состоит в том, что согласно математическим расчетам общее число биткойнов не может

³⁹ Овчинский, В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / В. Овчинский, Е. Ларина. – М.: Книжный мир. – 2014. – 352 с.

⁴⁰ Лапшина, И.Е. Правовое регулирование оборота криптовалют: современное состояние и перспективы / И.Е. Лапшина, М.А. Осочинский // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2019. – № 6. – С. 175 – 180.

превысить 21 млн. В этой связи, в программе автоматически усложняется криптография. За решение криптографической задачи пользователь вправе получить вознаграждение – новые биткойны. Данный процесс называют «майнингом» (добычей) биткойнов;

5. функционирование системы предполагает исключительную анонимность пользователей.

Появление биткойна на финансовом рынке совпадает с периодом мирового финансового кризиса 2008 года, в этой связи образование альтернативной валюты нередко связывается с падением доверия общества к государственной валюте.⁴¹

Рассуждая о негосударственном характере денег, некоторые авторы склонны придавать особую общественную ценность биткойнам и рассматривать криптовалюту как идеал, выраженный в криптографической объективности.⁴²

Итак, биткойн – исключительное явление в системе денежных отношений, оказавшее значительное влияние на мировой рынок, образовав некий казус в финансовых операциях валютных бирж.⁴³

В первоначальный период (2008-2013 гг.) сеть биткойн зачастую воспринималась как мошенническая схема или финансовая пирамида.

С расширением платежных способностей биткойнов возросли темпы крупномасштабных правонарушений. Так, после закрытия китайской торговой платформы Bitcoin GBL бесследно пропали 25 миллионов йен (4,1 миллиона долларов).⁴⁴

⁴¹ Рашева, Н.Ю. Правовые основы электронной валюты (на примере bitcoin) / Н.Ю. Рашева, О.И. Чиркова // Управление в современных системах. – 2017. – №1(12). – С. 60 – 68.

⁴² Джеонг, С «Протокол Биткойн как закон и политика безгосударственной валюты». – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2294124 (дата обращения: 06.05.2020)

⁴³ Хидзев, А.Т. Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия / А.Т. Хидзев // Право и современные государства. – 2014. – №4. – С.10 – 15.

⁴⁴ Овчинский, В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / В. Овчинский, Е. Ларина. – М.: Книжный мир. – 2014. – 352 с.

Конфиденциальность пользовательских данных, которую гарантирует система биткойнов, привела к тому, что случаи вывода капитала из страны, стали весьма частым явлением.

Несмотря на данные факты, в 2013 году сначала в США, позже в Германии, а затем и в других европейских государствах биткойн начал признаваться легальным платежным средством.

Однако на территории Российской Федерации биткойн продолжает оставаться теневым платежным средством.

Российское законодательство о банках и банковской деятельности, валютном регулировании и контроле прямо запрещают эмиссию иных денежных средств на территории РФ, поэтому с позиции отечественной юриспруденции биткойн представляет собой некий денежный суррогат, то есть квази-денежное платежное средство, самовольно введенное в гражданский оборот.

Вместе с этим, судебная практика свидетельствует о необходимости официального определения правового статуса биткойнов по соображениям единообразного правового регулирования, так как по состоянию на сегодняшний день правоприменительная практика, связанная с правовым регулированием криптовалюты как средства платежа, противоречива и неоднозначна.

Следует обозначить некоторые правоприменительные позиции по вопросу правового регулирования криптовалюты в России.

1. Согласно решению Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга от 16 мая 2017 года по делу № 2-1993/2017 на территории РФ запрещается распространение информации о криптовалюте в сети Интернет.

Данное решение направлено на выполнение превентивной функции, так как зачастую биткойн способствует росту теневой экономики и

правонарушений. Например, неоднократно в судебной практике встречаются случаи оплаты криптовалютой услуг по сбыту наркотических средств.⁴⁵

2. Согласно решению Рязского районного суда от 26 апреля 2017 года криптовалюта находится вне правового поля, поэтому при покупке криптовалюты покупатель не имеет возможности реализовать правовые механизмы защиты субъективных прав. Так, в данном судебном споре истец воспользовался «онлайн-обменником» с целью обмена криптовалюты на рубли, но возмездного платежа не получил. Суд посчитал доводы истца о нарушении его прав несостоятельными, так как истец, согласившись с условиями предоставления сервисом услуг обмена электронных валют, принял на себя риск несения любых финансовых потерь, которые могли быть ему причинены в результате невозможности осуществления электронных переводов.⁴⁶

3. В мае 2018 года Девятый арбитражный апелляционный суд вынес резонансное решение, которым впервые в судебной практике квалифицировал криптовалюту в качестве имущества и отчасти придал криптовалюте официальный статус.

Хронология данного судебного разбирательства служит доказательством замешательства правоприменителя, вынужденного разрешать спор в отсутствие правового регулирования предмета спора.

Так, решением суда первой инстанции финансовому управляющему было отказано в удовлетворении требований о включении содержимого криптокошелька в конкурсную массу гражданина-должника.

Суд первой инстанции исходил из того, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне пределов правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее

⁴⁵ Апелляционный приговор Верховного суда РФ от 13.09.2018 № 127-АПУ18-8. – URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnyi-prigovor-verkhovnogo-suda-rf-ot-13092018-n-127-apu18-8/> (дата обращения: 06.05.2020).

⁴⁶ Решение № 2-160 / 2017 2-160 / 2017 ~ М-129/2017 М-129/2017 от 26.04.2017 по делу №2-160 / 2017. – URL .: <https://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/> (дата обращения: 06.05.2020).

транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Отсутствие контролирующего центра в криптовалютной системе и анонимность пользователей криптовалюты, по мнению суда, не позволяют с определенностью установить принадлежность криптовалюты к криптокошельку конкретного человека.

Девятый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу, что решение суда первой инстанции незаконно, мотивируя тем, что в силу диспозитивности норм гражданского права в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует закрытый перечень объектов гражданского права.

Поэтому с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий суд считает допустимым максимально широкое толкование понятия «иное имущество».

Итак, согласно решению российского апелляционного суда криптовалюта должна рассматриваться как иное имущество и, соответственно, может быть включена в конкурсную массу должника.⁴⁷

Таким образом, решения российских судов по спорам, связанным с оборотом криптовалюты, с одной стороны, диаметрально противоположны, с другой стороны, иллюстрируют некоторую эволюцию в определении правового статуса криптовалюты (биткойна).

Вместе с тем, постепенное распространение судебных процессов, связанных с обращением криптовалют, подтверждает тот факт, что применение виртуальной валюты в финансовых операциях стало необратимым процессом со всеми его достоинствами и недостатками.

Достоинства биткойна как платежного средства заключаются, во-первых, в том, что биткойн обладает минимальными транзакционными издержками; во-вторых, в том, что система биткойнов базируется на

⁴⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018. – URL .: <http://base.garant.ru/61623374/> (дата обращения: 06.05.2020).

«золотом стандарте» программного кода, делающего оборот цифровой валюты менее зависимым от экономических колебаний.

Недостатки системы биткойн проявляются в следующем.

Во-первых, анонимность пользователей сети биткойн способствует широкому проявлению криминальных возможностей в условиях тотального отсутствия контроля над электронными платежами.

Во-вторых, по мнению некоторых экспертов, биткойн имеет дефляционную природу вследствие ограниченности размеров эмиссии.

В-третьих, биткойн обладает сверхспекулятивной природой и чрезвычайно высокой волатильностью, которые способствуют созданию финансового «пузыря».

Действительно, основная функция биткойна – спекулятивная, иные функции, характерные для денежных средств, проявляются реже. Поэтому функциональный дисбаланс можно рассматривать как структурную, встроенную слабость биткойна как полноценной валюты.

Именно поэтому проект биткойн иногда называют международным экспериментом, среди целей которого зондирование мнений, действий различных политических сил, государственных регуляторов, инвесторов, программистского сообщества, общественного мнения на криптовалюту.

Вместе с тем, долгосрочность существования и относительная устойчивость курса опровергают данный тезис.

Несмотря на существующую неопределенность и отрицательно-настороженное отношение к криптовалюте, видится, что за основу в отечественной юриспруденции на сегодняшний день взято апробированное судебной практикой определение правового статуса криптовалюты как «иного имущества», применимого в гражданском обороте.

Таким образом, биткойн представляет собой пиринговую децентрализованную альтернативную электронную платежную систему, основанную на блокчейн-технологии. Переход биткойнов между пользователями обеспечивается шифрованием цепочки транзакций и

фиксируется с помощью ключей электронных подписей владельцев биткойнов. Конфиденциальность пользователей обеспечивается методами криптографии. Некоторые из пользователей осуществляют решение криптографических задач, получая своего рода вознаграждение – новые биткойны. Вместе с тем, такая «добыча» ломает парадигму валютной эмиссии. В целом, судебная практика свидетельствует о коренных изменениях, происходящих в платежной системе, а также о замешательстве правоприменителя при решении вопроса о правовом статусе биткойна в отсутствие правового регулирования цифровой валюты.

Сложность определения правового статуса биткойна объясняется независимостью криптовалюты от сложившегося финансового мира, а также спецификой субъектов сети биткойн, которыми являются анонимные владельцы без государственной принадлежности или иной идентификации (поэтому есть вероятность, что владельцем криптовалюты может оказаться робот).

Долгосрочная перспектива развития цифровой валюты выглядит весьма надежной. С высокой степенью вероятности можно предполагать, что цифровые валюты заняли выгодную позицию в мировой хозяйственной системе.

Краткосрочные перспективы системы биткойн зависят от того, насколько продуктивно будут решены следующие проблемы.

Во-первых, в последнее время растут масштабы незаконных действий, связанных с оборотом криптовалюты. Биткойн при сохранении анонимности электронных кошельков создает новые риски для незаконных финансовых трансфертов.

Во-вторых, наличие неконтролируемых финансовых транзакций оказывает негативное влияние на систему налогообложения. Практически во всех странах, где складывается биткойн-экономика, активно обсуждаются вопросы налогообложения доходов от продажи товаров и услуг за биткойны, либо доходов от спекуляции биткойнами как активами.

В целом, в условиях, когда финансовыми аналитиками прогнозируется новый этап мирового экономического кризиса, изучение биткойна и иных криптовалют видится важным для построения новой макроэкономики, а также надежной и более защищенной модели мировой финансовой системы.

2.3. Киберспорт как объект правового регулирования

Значение термина «игра» традиционно сводилось к развлекательному компоненту. Переворот в понимании феномена игр произошел в 1958 году, когда американский научный сотрудник в развлекательных целях представил коллегам первый в мире электронный пинг-понг.⁴⁸

Со случайной успешной попытки связать технологию с развлечением начинается история стремительного развития компьютерных игр, которые на сегодняшний день заняли лидирующие позиции на мировом рынке, превратившись в масштабную бизнес-индустрию.⁴⁹

Одним из закономерных последствий масштабирования компьютерных игр стало появление феномена киберспорта.

Прежде чем переходить к анализу киберспортивных правоотношений, необходимо отметить проблему определения термина «киберспорт», содержание которого меняется с изменением, усложнением и усовершенствованием механизма, интерфейса, технического оснащения компьютерных игр.

На более ранних этапах истории развития эры компьютеров киберспорт определялся наиболее широко, а именно, как область спортивной деятельности, в которой участники развивают и тренируют умственные или

⁴⁸ Галкин, Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования / Д.В. Галкин // Гуманитарная информатика. – 2007. – Вып.3 – С. 54 – 72.

⁴⁹ Седых, И.А. Обзор ключевых отраслей и рынков «Индустрия компьютерных игр-2020» // НИУ ВШЭ. – 2020.

физические способности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.⁵⁰

Более универсальным определением служит дефиниция, предложенная М.В. Демченко, А.Д. Шведовой, которые под компьютерным спортом понимают соревнование человека или группы людей друг с другом с использованием компьютерного моделирования той или иной виртуальной реальности.⁵¹

Методологически обоснованной является дефиниция, предложенная авторитетными авторами исследуемой проблематики – Ю. Хамари и М. Себлом – которые определяют компьютерный спорт как вид спорта, в котором основные аспекты спорта опосредуются электронными системами; входные данные игроков и команд, так же, как и выходные данные системы компьютерного спорта, опосредуются интерфейсом «человек – компьютер».⁵²

Наряду с доктринальными определениями понятия, российская практика спортивного права предлагает нормативную дефиницию термина «компьютерный спорт».

Так, в соответствии с Уставом Общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России», принятым Учредительным съездом Федерации 24 марта 2000 г. (далее – Устав), компьютерный спорт – это вид соревновательной деятельности и специальной практики подготовки к соревнованиям на основе компьютерных и/или видеоигр, где игра предоставляет среду взаимодействия объектов

⁵⁰ Hamari, J. What is eSports and why do people watch it? / J. Hamari, M. Sjoblom // Internet Research. – 2017. – Vol. 27. – Iss. 2. – P. 212.

⁵¹ Демченко, М.В. Правовое регулирование киберспорта в России и за рубежом / М. В. Демченко, А. Д. Шведова // Инноватика и экспертиза: научные труды. – 2019. – №2(27). – С. 88 – 93.

⁵² Hamari, J. What is eSports and why do people watch it? / J. Hamari, M. Sjoblom // Internet Research. – 2017. – Vol. 27. – Iss. 2. – P. 212.

управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой.⁵³

При этом, в целях исключения правовой неопределенности Уставом предусмотрено, что смежные термины «киберспорт», «компьютерный спорт», «е-спорт», «электронный спорт» рассматриваются как тождественные.

Видится, что, в целом, нормативное понятие гармонирует с доктринальными подходами. В каждом из определений подчеркнуты три существенных признака киберспорта:

во-первых, игровой компонент;

во-вторых, состязательных компонент;

в-третьих, совмещение первых двух компонентов в виртуальной реальности.

Непосредственно история киберспорта начинается еще в начале 1970-х годов с проведения первых онлайн-соревнований в США, однако официальной «датой рождения» киберспорта принято считать 26 июня 1997 года, когда была образована Cyberathlete Professional League (профессиональная лига по киберспорту).

Несмотря на появление лиги, киберспорт долгое время не был признан официальным видом спорта. Примечательно, что официальным компьютерный спорт был признан впервые именно в России в 2001 году. Видимо, это объясняется тем, что Российская Федерация традиционно является одним из лидеров по объему рынка и размерам аудитории компьютерного спорта.⁵⁴

Однако ввиду несоответствия требованиям, предъявляемым к Всероссийскому реестру видов спорта, киберспорт был исключен из

⁵³ Устав Общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России». – URL: <https://resf.ru/about/resf/> (дата обращения: 03.06.2021).

⁵⁴ Новиков, И.В. Проблемы правового регулирования киберспорта в Российской Федерации / И.В. Новиков // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №9. – С. 426 – 438.

официальных видов спорта в 2006 году, а спустя 10 лет снова включен в указанный реестр и вновь признан в качестве официального вида спорта.⁵⁵

Аналогичные тенденции признания статуса компьютерного спорта наблюдаются в зарубежных странах. Так, киберспорт признан официальным в США, Малайзии, Китае, Южной Корее.

При этом в государствах, в которых статус киберспорта еще не нашел правового воплощения, активно развиваются киберспортивные организации (например, в странах СНГ).

Несмотря на «молодость» данного вида спорта, его развитие можно охарактеризовать как максимально стремительное. Вполне вероятными являются перспективы признания киберспорта олимпийским видом спорта.

Ввиду того, что единообразный подход к правовому регулированию киберспорта как в России, так и за рубежом отсутствует, можно утверждать, что компьютерный спорт требует дополнительного внимания законодателя и юридической науки в сфере спортивного права.

Видится, что причина несогласованности правовых подходов заключается в специфике объекта и субъектов правового регулирования.

Анализ возможности применения к компьютерным играм «реального права» был проведен ключевым автором научных работ по проблематике Интернет-права В.В. Архиповым, который отмечает, что применение реального права к виртуальной среде компьютерных игр может, формально соответствуя букве закона, вызвать интуитивное ощущение странности и неправильности происходящего⁵⁶, действие права не должно выходить за границы здравого смысла.⁵⁷

Однако обстоятельства таковы, что вынуждают правоприменителя использовать нормы реального права к виртуальным правоотношениям.

⁵⁵ Новиков, И.В. Проблемы правового регулирования киберспорта в Российской Федерации / И.В. Новиков // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №9. – С. 426 – 438.

⁵⁶ Архипов, В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В.В. Архипов // Закон. – 2018. – №5. – С. 80 – 92.

⁵⁷ Фуллер, Л.Л. Анатомия права / Л.Л. Фуллер // Российский ежегодник теории права. – 2009. – №2. – С. 313.

В этой связи, одним из подходов к решению данной проблемы является «тест магического круга», предполагающий необходимость выяснения того, отдавал ли отчет пользователь в том, что его виртуальные действия имеют реальные последствия.⁵⁸

Соответственно, в случае, если виртуальными действиями сознательно допускались реальные последствия, то право реального мира следует считать применимым в полной мере. Например, в случаях, если в компьютерных играх предполагается обмен виртуальными ценностями, находящийся за пределами нормативного регулирования, но опосредуемый «реальными» деньгами.⁵⁹

Однако в то же время предлагаемые правила не являются совершенным способом правового регулирования.

Так, без внятного ответа все еще остаются многие правовые вопросы, возникающие в ходе киберспортивных состязаний. Например, насколько возможно привлечение к деликтной ответственности игрока, который нарушает неписаный кодекс виртуальной этики, если его действия, тем самым, привели к убыткам соответствующей организации компьютерного спорта.⁶⁰ В данном случае возможности доказательства реальной причинно-следственной связи между виртуальными нематериальными действиями и реальными материальными последствиями минимальны.

Также весьма спорная правовая проблема возникает, когда опытные компьютерные игроки на возмездной основе помогают менее опытным увеличить игровой рейтинг, осуществляя вход в компьютерную игру под их учетными записями. Данный способ повышения игрового рейтинга

⁵⁸ Castronova, E. The Right to Play / E. Castronova // New York Law School Law Review. – 2004. – 49(1). – P. 185–210.

⁵⁹ Архипов, В. В. Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике / В. В. Архипов // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества. – 2014. – С. 105–117.

⁶⁰ Архипов, В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В.В. Архипов // Закон. – 2018. – №5. – С. 80 – 92.

признается недобросовестным, а учетная запись компьютерного игрока блокируется.⁶¹

Вместе с тем, указанная юридическая санкция является, с одной стороны, правомерной, но, с другой стороны, недопустимой.

С одной стороны, данные действия можно расценить как возмездную услугу. Согласно правилу В.В. Архипова, в этом случае оба игрока будут находиться за пределами игрового мира, а значит, применимым будет право реального мира, поэтому блокировка учетной записи будет являться неправомерным ограничением прав игроков.⁶²

С другой стороны, внутриигровой рейтинг – ориентир для игровых компаний. В этой связи, если решение о заключении игровой компанией договора с игроком было принято на основании такого рейтинга, то «граница магического круга» разрывается, и такой договор можно считать заключенным под влиянием существенного заблуждения, а значит, недействительным.⁶³

Таким образом, можно сформулировать первое правило правового регулирования киберспорта – оценка применимости права реального мира к виртуальным правоотношениям в зависимости от влияния виртуальных действий на реальные последствия.

Другой важной особенностью компьютерного спорта является тот факт, что киберспорт представляет собой компьютерную игру, являющуюся результатом интеллектуальной деятельности.

Данная особенность обнаруживает проблему правового режима компьютерной игры, научные дискуссии по поводу которого в отсутствие легальной определенности продолжаются до сих пор.

⁶¹ Архипов, В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В.В. Архипов // Закон. – 2018. – №5. – С. 80 – 92.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

Некоторые авторы склонны считать компьютерную игру частью программ для электронно-вычислительных машин.⁶⁴ Однако в случае с современными компьютерными играми наиболее целесообразным видится их отнесение к разновидности сложного объекта, а именно, к мультимедийным продуктам.⁶⁵ В этой связи, видится возможным и желательным нормативно отразить указанный правовой режим компьютерных игр как сложного объекта.

Особенностью киберспорта выступает также неоднозначность применения к ним норм спортивного права.

Например, для киберспорта также актуальна проблема допинга. Однако в отличие от традиционных видов спорта, в киберспорте допингом выступают вещества, влияющих на интеллектуальные способности игрока. Кроме того, в киберспорте проблема допинга наиболее ярко выражена из-за того, что игроком выступает не человек в физиологическом смысле слова, а некий «аватар». Отсутствие прямого контакта, безусловно, осложняет возможности по доказыванию влияния препаратов на результат компьютерной игры. При этом в отсутствие специальных программ допинг-контроль в киберспорте ориентируется на допинг-контроль, характерный для иных видов спорта.⁶⁶ Видится, что данный подход неверен и открывает колоссальное пространство для маневра у киберигроков.

Если применение аналогии между спортивным и киберспортивным правом не всегда оправдано в антидопинговой политике, то приемлемо в случае правового регулирования договорных отношений киберспортсмена с киберспортивной организацией, что подтверждается судебной практикой.

Так, в 2016 году в России впервые был осужден киберспортсмен за нарушение положений договора с Arcade eSports. Согласно контракту игрок

⁶⁴ Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность. М. – 2004. – 364 с.

⁶⁵ Калугина Е.Н. Правовая природа мультимедийной игры как объекта интеллектуальных прав / Е.Н. Калугина // Правовой партнер. – 2013. – № 2. – С. 18 – 23.

⁶⁶ Разливинских, А.Е. Правовое регулирование компьютерной игры как результата интеллектуальной деятельности / А.Е. Разливинских // Норма. Закон. Законодательство. Право. – 2019. – С. 86 – 88.

должен был выступать за организацию в течение трех месяцев, однако в это время игрок начал вести переговоры с другими киберспортивными организациями. В результате разбирательства суд обязал киберспортсмена выплатить организации компенсацию в размере около 115000 рублей.⁶⁷

Подведем итоги. Киберспорт представляет собой спортивное соревнование компьютерных игроков. Масштабирование компьютерных игр и их превращение в крупнейшую индустрию мирового рынка опосредовало признание киберспорта официальным видом спорта. В ходе изучения специфики правового регулирования киберспорта в России и за рубежом были выявлены следующие проблемы:

- проблема применения реального права к виртуальной реальности;
- проблема правового режима компьютерных игр;
- проблема соотношения спортивного и киберспортивного права.

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что киберспортивные правоотношения нуждаются в детальной правовой регламентации.

2.4. Информационные права в системе прав и свобод человека

Существование любого социума обеспечивается наличием системы прав и обязанностей его членов. По мере развития общества соответствующим образом переосмыслению подвергаются природа и содержание прав и обязанностей, внося принципиально новый подход в понимание положения личности в обществе.

В этой связи, права человека представляют собой некую производную функцию от доминирующих социальных, экономических и политических условий.⁶⁸

⁶⁷ В России впервые осудили киберспортсмена за нарушение условий контракта. – ULR: <https://www.dota2.net/> (дата обращения: 03.06.2021).

⁶⁸ Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучковополе». — 2003. — 464 с.

Прежде чем овладеть общественным сознанием и стать предметом законодательного регулирования, первые идеи о свободе и равенстве возникали на уровне отдельных теорий в античной философии, средневековых учениях и научных трактатах эпохи Возрождения.⁶⁹

Впервые термин «права человека» нашел легальное отражение во французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.), принятие которой завершило долгий путь становления доктрины прав человека.⁷⁰

Социальные, экономические и политические условия XVIII века способствовали утверждению, прежде всего, гражданских и политических прав, ставших достижением и ответом на череду буржуазных революций.

XIX век – век индустриализации и урбанизации – в ответ на обострение социально-экономических противоречий расставил акценты в доктрине прав человека в пользу экономических прав.

Наконец, социальная трагедия XX столетия сместила фокус внимания международного сообщества на социальные гарантии. Кроме того, XX век отразил результат эволюции доктрины прав человека, которая сводилась к аккумуляции отдельных теорий и становлению синтезированного продукта глобального характера – Всеобщей декларации прав человека (1948 г.).

XXI век характерен массовым проникновением цифровых технологий и становлением информационного общества.

Оценки влияния цифровизации на доктрину прав человека в правовой науке неоднозначны. Одни авторы утверждают о необходимости выделения четвертой группы прав – интеллектуальных / информационных прав. Другие авторы полагают, что необходимо переосмысление и изучение возникших на фоне цифровизации проблем реализации ранее закрепленных прав человека.

Видится, что решение проблемы прав человека в информационном обществе требует комплексного подхода, включающего как выделение

⁶⁹ Киричѐк, Е.В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение / Е. В. Киричѐк // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – 2(16). – С. 13 – 22.

⁷⁰ Zołotar, O. Human Rights – From the Enlightenment to the Information Society / O. Zołotar // Studia nad Autorytaryzmem i Totalita. – 2016. – №3. – Р. 7 – 22.

качественно новых прав человека, так и переосмысления классических прав и свобод.

Среди закрепленных Конституцией РФ информационных прав человека проблемы правового регулирования в условиях цифровизации вызывают право на информацию, свобода слова и свобода информации.

Помимо указанных прав в научной литературе предлагается дополнительно закрепить отдельное право гражданина на доступ к информации.

Обоснованность подхода выражается в том, что обеспечение всеобщего доступа в Интернет напрямую влияет на эффективность обеспечения других прав человека, таких как право на образование, здравоохранение и труд, свободу собраний и ассоциаций, доступ к порталам государственных и муниципальных услуг и т.д.

Интересно, что один из «отцов Интернета» В. Серфф не признает право на доступ в Интернет самостоятельным правом человека. Его точка зрения заключается в том, что Интернет – это всего лишь технический инструмент, который позволяет реализовать другие права.⁷¹

Основная проблема состоит в том, что в случае закрепления этого права возникает обязанность государства обеспечивать это право инфраструктурой доступа к Интернету.⁷²

Вместе с тем, право на доступ в Интернет уже законодательно оформлено в Коста-Рике, Эстонии, Финляндии, Франции, Греции и Испании. В соответствии с Конституцией Греции каждый имеет право на участие в информационном обществе. Содействие в доступе к информации в

⁷¹ Краснов, М.А. Этика европейского понимания прав человека / М. А. Краснов // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2012. – С. 22.

⁷² Щербович, А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России / А. А. Щербович // Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества Ежеквартальный научно-практический журнал Копирайт. – 2015. – №3. – С. 57 – 70.

электронной форме, а равно к ее производству, обмену и распространению является обязанностью государства.⁷³

Развитие данного права до уровня нормативного закрепления в России также видится возможным и желательным.

В целях обеспечения полноты правового регулирования право на доступ в Интернет-сеть должно быть реализовано с соблюдением следующих требований:

- качественный сервис и беспрепятственный доступ к технологическим возможностям;
- свобода выбора и использования программного обеспечения;
- сетевая нейтральность;
- запрет на дискриминацию трафика или ухудшения качества услуг;
- обеспечение максимального охвата для доступа в Интернет-сеть в общественных местах.

Следует иметь в виду, что информационная экспансия имеет как положительные стороны (отмечены выше), так и отрицательные.

Развитие компьютерных технологий превратило Интернет в неотъемлемый элемент цивилизации, но в то же время привело к формированию «информационных пузырей», образованию неограниченных, нерегулируемых потоков разносортных информационных данных.

Следствием развития информационных технологий стал беспрецедентный по объему рост сведений, размещаемых в сети Интернет, значительная часть из которых уже утратила свою актуальность.

Правовой инструмент борьбы с нежелательной информацией в сети Интернет был сформирован решением Суда Европейского союза от 13.05.2014 по делу «Марио Костеха Гонсалеса против Google»,⁷⁴ в котором суд установил, что граждане имеют право обратиться к поисковым системам

⁷³ Середа, М.Ю. Закрепление права на доступ в сеть Интернет в международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран / М.Ю. Середа // Международное публичное и частное право. – 2013. – №5. – С. 44–47.

⁷⁴ Trajkovska, M.L. Privacy, freedom of expression and internet // *Mélanges en l'honneur de / Essays in honor of Dean Spielmann*. – Oisterwijk: Wolf legal publishers. – 2015. – P. 335–342.

с запросом об удалении ссылок на недостоверную или неактуальную информацию.⁷⁵

В зарубежном законодательстве данный прецедент получил наименование «right to be forgotten» (право на забвение), под которым понимается право любого лица, в отношении которого осуществлялись сбор, хранение и обработка данных, требовать прекращения выдачи данных, которые являются недостоверными, неактуальными, не имеющими значения для такого лица.⁷⁶

В отечественном законодательстве соответствующие изменения были внесены в 2013 году в Гражданский кодекс РФ (статья 152) и в 2015 году в Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (статья 10.3), в соответствии с которыми предусматривается право на удаление данных в сети Интернет в случае распространения информации с нарушением законодательства РФ, недостоверности либо неактуальности представленных данных.⁷⁷

Предложенный правовой способ реализации права на забвение пока не апробирован в должной мере судебной практикой, однако уже на данном этапе можно сформулировать следующие проблемы реализации указанного права:

1. Реализация права на забвение заключается в обязанности оператора поисковой системы по требованию гражданина прекратить выдачу ссылок, позволяющих получить доступ к информации о заявителе. Примечательно то, что речь идет об удалении ссылок, а не удалении данных. Данное правило объясняется тем, что удаление информации из сети Интернет является

⁷⁵ Myjer, E. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain / E. Myjer, P. Kempees // Ibid. – P. 411–427.

⁷⁶ Леденцова, И.А. Право на забвение: можно ли затеряться в виртуальной толпе? / И. А. Леденцова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – №3. – С. 161 – 164.

⁷⁷ Guillemin, G. The right to be forgotten: Whose amnesia / G. Guillemin // Ibid. – P. 229–236.

технически невозможным в силу многократного копирования сетевых данных и сохранения на разных ресурсах.

2. Вторая проблема заключается в невозможности проверить достоверность размещенной информации поисковой системой самостоятельно, а также оценить ее актуальность. В этой связи, ввиду отсутствия таких возможностей у оператора, он вынужден следовать требованиям заявителя, не оценивая, действительно ли недостоверна информация о заявителе.⁷⁸

3. Третья проблема является следствием второй и заключается в том, что требование удалить из результатов поиска ссылок на недостоверную или незаконную информацию необоснованно в отсутствие решения компетентного органа (например, судебного акта).⁷⁹

4. Кроме того, право на забвение не включает в себя право на изменение или исправление данных, которые являются очевидным следствием публичного опровержения информации, порочащей честь и достоинство.⁸⁰

Следует отметить, что исключительной проблемой цифровизации стали не только вопросы принудительного удаления или изменения информации по просьбе заинтересованного лица, но и возможности удаления, использования или наследования аккаунтов умерших лиц.

Иными словами, пресекает ли физическая смерть виртуальную жизнь?

Когда человек умирает, он оставляет после себя цифровое присутствие. Количество «мертвых» аккаунтов на сегодняшний день велико и продолжает расти. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы

⁷⁸ Подрабинок, Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – №1. – С. 290 – 300.

⁷⁹ Соколова, О.С. Защита персональных данных посредством права на забвение / О.С. Соколова // Современное право. – 2016. – №9. С. 69 – 72.

⁸⁰ Карлаш, Д.С. Права в области использования больших пользовательских данных / Д.С. Карлаш // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2020. – №1. – С. 46 – 48.

наследования аккаунтов, особенно, если аккаунты (например, известных блогеров) становятся ценным коммерческим продуктом.

Социальные сети предлагают свои решения по вопросу наследования аккаунтов. Компания «Google» предоставляет пользователю возможность самостоятельно распорядиться своим аккаунтом в случае смерти: заблокировать его или передать по наследству, а также указать степень доступа к странице, в том числе к сообщениям. При этом порядок составления подобного рода «завещания», а равно его правовая природа законодателем не определены.

«Facebook» и «ВКонтакте» предусматривают только процедуру «мемориизации», которая не позволяет наследнику получить полноценный доступ и права администратора профиля.

«Instagram» и «Twitter» предоставляют наследникам только возможность удалить профиль по их требованию.⁸¹

На основе изложенного, единообразная практика по вопросу возможности замены лица в пользовательском соглашении отсутствует.

В соответствии с зарубежной практикой наследование аккаунта социальной сети является аналогией наследования права на результат интеллектуальной деятельности, выраженный в цифровой форме.

По поводу нарушения права на частную жизнь умершего Верховный Суд Германии указывает на то, что в случае смерти пользователя у социальной сети сохраняются договорные обязательства по сохранению тайны коммуникации. Вместе с тем, участником такой коммуникации, нуждающимся в защите, является пользователь при жизни.⁸² В этой связи, наследование аккаунта не нарушает право человека на тайну переписки.

Видится, что подход к решению проблемы наследования аккаунтов, сформированный в Германии, может служить примером для формирования

⁸¹ Гурковская, М. И. Наследование аккаунта: проблемы и перспективы развития / М. И. Гурковская // Научный аспект. – 2020. – №2.

⁸² Амбарцумов, Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений / Р.А. Амбарцумов // Вопросы российской юстиции. – 2019. – С.132 – 138.

отечественного подхода к правовому регулированию порядка наследования аккаунтов умерших.⁸³

Возможности информационных технологий не ограничиваются способностью сохранения неограниченного потока информации, размещенной пользователями в сети Интернет. Способность искусственного интеллекта генерировать смешанные реальности стирает границы «истины» и бросает вызов восприятию Интернет-пользователей, которые оказываются в фейковой (альтернативной) реальности.

При этом с каждым годом усложняется техническая возможность разоблачения дезинформации, поскольку технологии искусственного интеллекта позволяют генерировать практически не отличимую от реальности фальсифицированную информацию, подкрепленную синтетическими фейковыми фотографиями, аудио- и видеозаписями.⁸⁴ Такие цифровые продукты могут перерасти в мощнейшее пропагандистское оружие.

К актуальным проблемам информационной безопасности можно отнести: информационные вбросы, фейковые новости, вирусные атаки, несанкционированную рассылку (спам), несанкционированный доступ к компьютеру, использование телефона неизвестными лицами, хищение денежных средств или персональных данных посредством несанкционированного получения информации через Интернет-ресурсы.

В этой связи, потоки сетевой информации и дезинформации актуализируют необходимость обеспечения не столько свободы слова, сколько соблюдения базовых правил информационной гигиены.

Целями информационной гигиены являются предупреждение отрицательного влияния информации на психическое, физическое и

⁸³ Богуславский, Д.С. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России / Д.С. Богуславский, И.В. Смирнова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019 – №24. – С. 35 – 42.

⁸⁴ Ларина, Е.С., Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир. – 2018 – 416 с.

социальное благополучие человека, защита пользователей Интернет-сети от фейковой реальности и оздоровление окружающей информационной среды.

При этом особое внимание следует уделить уязвимым группам (лицам, не достигшим возраста 18 лет, лицам, с ограниченными возможностями, национальным меньшинствам и т.д.). Специфика данных категорий состоит в том, что представители данных социальных групп с повышенной болезненностью склонны реагировать на информационные шумы.

Например, ужасающие последствия повлекло муссирование темы подростковых самоубийств в социальных сетях, которое сыграло особую роль в формировании «культы» самоубийства.⁸⁵

В свете последних событий ситуацию с новой коронавирусной инфекцией также именуют «инфодемией», которая привела к муссированию в сети Интернет различных конспирологических теорий, появлению фейковых новостей, мифов о болезни и способах ее лечения и т.д.

Видится, что формулирование базовых правил информационной гигиены, возможность «очистки» данных, полученных из непроверенных источников, значительно улучшит состояние информационной безопасности и предотвратит ряд потенциальных угроз.

Кроме того, важно заметить, что информационная гигиена не означает легализацию цензуры.

Цензура представляет собой систему надзора над содержанием и распространением любой информации, а правила информационной гигиены ориентируют на проверку источников размещаемой информации и очистку информационного пространства от фейка. Кроме того, в научной литературе высказывается мнение о том, что наше представление о цензуре в течение многих лет определялось либеральными традициями с акцентом на свободу

⁸⁵ Денисов, Э.И. Информационная гигиена и регулирование информации для уязвимых групп населения / Э.И. Денисов, А.Л. Еремин, О.В. Сивочалова, Н.Н. Курьеров // Гигиена и санитария. – 2014. – №5. – С. 43 – 47.

мысли и выражения своего мнения. Однако с цифровизацией пришло время пересмотреть презумпцию врожденной виновности цензуры.⁸⁶

Важно отметить еще одно обстоятельство, которое касается свободы коммуникативной среды в Интернет-среде, – языковая диспропорция, означающая доминирование английского языка как основного языка Интернета. Расцвет английского языка в киберпространстве ограничивает доступ к знаниям и общению для тех, кто ограничен в возможностях изучения английского языка.

Кроме того, доминирование английского языка в области научно-технических знаний приводит к нивелированию ценности знаний, выраженных в других языках.

Таким образом, информационное общество, как новый этап бытия, порождает необходимость пересмотреть классический подход к теории прав человека. Смысловое наполнение отдельно взятых прав человека видоизменяется постоянно, практически в каждом виде прав человека появляется его «информационная» составляющая.

Помимо пересмотра действующего перечня прав и свобод человека, в цифровую эпоху особую значимость приобретают новые виды прав человека, в числе которых право на доступ в Интернет и право на забвение. Вероятно, указанные права человека не следует утверждать наряду с иными конституционными правами, однако закрепление данных прав и порядка их реализации в отраслевом законодательстве является необходимой мерой для оптимального регулирования Интернет-отношений в информационном обществе.

Кроме того, формирование информационного общества предопределяет необходимость становления информационной гигиены, основной задачей которой является наблюдение за «чистотой»

⁸⁶ Мур, Н. Права и обязанности в информационном обществе / Н. Мур // Научные и технические библиотеки. – 1999. – №1

информационных данных в интересах населения (особенно уязвимых групп населения).

Глава 3 Искусственный интеллект как основная проблема юридической футурологии

3.1. Юридическая футурология: понятие, методология

Развитие искусственного интеллекта сопровождается не только теоретическими и практическими проблемами в настоящем, но и крайней неопределенностью нашего правового будущего.

Футурология представляет собой одно из актуальных направлений социальной философии, которое отражает основные тенденции развития современного общества, формирующие образ будущего человечества.

Исходя из общефилософского определения, можно сделать вывод, что под юридической футурологией следует понимать прогнозирование развития права путем экстраполяции существующих технологических, экономических или социальных тенденций.

Несмотря на новизну термина (термин «футурология» предложил социолог Осип Флехтхайм в 1943 году в письме к Олдосу Хаксли), прогнозирование будущего является неотъемлемой частью научного знания.

Первые образы будущего были смоделированы философами, пророками и религиозными мыслителями античности и средневековья.

Одним из самых знаковых футурологических проектов буржуазной эпохи можно обозначить марксистскую теорию.

Множество ненаучных, но культовых футурологических идей изложено в художественных антиутопиях XX века (О.Хаксли, Дж.Оруэлл и др.)

Специфика предмета изучения футурологии, которым выступает предполагаемое будущее, делает ее уязвимой для обвинений в ненаучности.

Вместе с тем, по той же причине в равной степени уязвимым может оказаться весь цикл социально-гуманитарных наук, предметы изучения которых – государство, деньги, право – являются такими же воображаемыми

понятиями, искусственно созданными мифами, обеспечивающими развитие цивилизаций.

Кроме того, если в ранние периоды существования футурология находилась на едва заметной грани научного и ненаучного знания, а прогнозирование осуществлялось с использованием, как правило, теоретических способов исследования, то на сегодняшний день футурология, расширив методологический аппарат эмпирическими приемами, уверенно перешла на сторону научного социологического знания.

Методология юридической футурологии включает опросы, анкетирования, статистические методы (экстраполяция, вероятностный анализ, регрессионный и корреляционный анализ), поиск аналогий будущего с существующими системами и составление сценариев будущего; методы планирования и прогнозирования, а также иные методы, направленные на выявление общественного мнения по поводу перспектив развития тех или иных правовых институтов.

Таким образом, ввиду того, что развитие права – скорее рукотворный, чем естественный процесс, качественный футурологический проект перерастает в стратегию развития с утвержденными целями, задачами, поэтапным планом реализации. Утверждение стратегии сопровождается возложением контрольных полномочий за выполнение плановых показателей и принятием многочисленных сопутствующих нормативных правовых актов, регулирующих процесс по сути превращения футурологического проекта в правовую реальность.

Одним из ключевых документов стратегического планирования в Российской Федерации является Национальная стратегия.

Согласно Национальной стратегии использование технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики носит сквозной характер. Однако «сквозной характер» открывает возможности максимально широкого применения цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности.

Плановыми показателями Национальной стратегии обозначены: увеличение количества организаций, использующих искусственный интеллект; разработка программного обеспечения для решения задач в различных сферах деятельности; формирование гибкой системы нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта.

Исходя из изложенного, актуальным становится вопрос о мере участия искусственного интеллекта в юридической деятельности.

На сегодняшний день мощный когнитивный потенциал искусственного интеллекта позволяет говорить о технической возможности делегирования некоторых юридических задач искусственному интеллекту.

С одной стороны, кодирование правовой информации не может точно передать богатство и неоднозначность юридических категорий (таких, например, как «справедливость», «вина» и др.). Более того, сами юристы не всегда могут точно сформулировать методы и мыслительные процессы, сопровождающие их деятельность. Поэтому юристы, которые не привыкли к строгим требованиям языка программирования, будут разочарованы разрывом между тем, что они хотят сказать, и тем, что им позволяет сказать язык программирования. С этой точки зрения делегирование работы юриста компьютеру выглядит крайне проблематичным.⁸⁷

С другой стороны, процесс принятия юридического решения проходит конкретные стадии: определение юридической задачи, установление фактического состава, юридическая квалификация (соотнесение фактического состава с юридической нормой), поиск аналогий. В этой связи, данный процесс подчиняется определенным алгоритмам, которые позволяют моделировать и переносить на язык программирования различные виды юридической деятельности, способствуя тем самым созданию логической, недвусмысленной, последовательной и стабильной правовой системы.⁸⁸

⁸⁷ Buchanan, B.G. Some speculation about artificial intelligence and legal reasoning / B.G. Buchanan, T.E. Headrick // *Stanford Law Review*. – 1970. – 23(1). – 40–62.

⁸⁸ Там же.

Так, в Великобритании для экономии времени и снижения нагрузки на юриста разработан своеобразный робот-посредник, – система с искусственным интеллектом Smartsettle ONE, которая способна выстроить тактику переговоров сторон для достижения оптимального соглашения. В 2019 году впервые в истории гражданского судопроизводства спор между сторонами был урегулирован в досудебном порядке роботом-посредником.⁸⁹ При этом робот решил проблему примерно за час, в то время как юристу для решения аналогичного казуса приходилось использовать трехмесячные переговоры.

Таким образом, ввиду способности молниеносно анализировать, сопоставлять, обрабатывать массивы информации, оставаться беспристрастным и сохранять нейтралитет, имея безупречную репутацию, искусственный интеллект, выступающий в качестве судьи или государственного служащего, представляется идеалом правосудия или государственного управления, выраженного в цифровой объективности.

3.2. Футурологический проект цифровизации судебной ветви власти

Футурологический проект цифровизации судебной власти пришел в российскую действительность от зарубежных коллег. Так, программисты Университетского колледжа Лондона создали программу, способную с высокой точностью предсказывать решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Известно, что ЕСПЧ предъявляет жесткие требования к соблюдению формальных критериев подачи и оформления жалобы. Для программистов не составило труда алгоритмизировать этот набор формальных критериев. В результате из 584 обращений в ЕСПЧ

⁸⁹ Робот-посредник разрешает первое в истории судебное дело. – URL .: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (Дата обращения 06.05.2020).

решение по поводу рассмотрения обращений, вынесенное программой, в 79% случаев совпало с решением суда.⁹⁰

Вместе с тем, видится, что запрограммированное единственно верное юридическое решение, исключая возможность альтернативы, не является справедливым. Категория справедливости неоднозначна и в каждом конкретном случае имеет специфическое содержание, которое пока еще не верифицируется компьютерными технологиями.

Закон должен быть относительно стабилен во времени, в то время как регулируемые им общественные отношения динамичны и изменчивы, как изменчива и оценка этих отношений. Поэтому участие человека в разрешении правовых споров необходимо рассматривать как социально-оправданный элемент творческой деятельности юриста.

Д. И. Глушков, анализируя мотивы принятия судебных решений, подтверждает то, что судья руководствуется не только и не столько предписаниями законодательства, сколько своим восприятием справедливости.⁹¹

Как правило, в компоненты судейского усмотрения включают внутреннее убеждение и совесть.⁹²

Следует отметить, что внутреннее убеждение и совесть судьи столь распространены только в российской правовой системе, что подтверждает известный исследователь проблем этосонологии (учение о нравах и нравственности) В.Т. Ефимов.⁹³ Видится, не случайно морально-этические категории оценочного характера: справедливость и совесть, – пронизывают

⁹⁰ Встать, робот-судья идет! – URL : <https://radiovesti.ru/brand/60944/episode/1382978/> (Дата обращения 06.05.2020)

⁹¹ Голушков, Д.И. Мотивы принятия судебных решений: всегда ли российские суды разрешают дела исключительно на основе положений закона? / Д.И. Голушков // Вестник Омского университета. – 2018. – 1 (54). – С.20 – 30.

⁹² Беккер, Т.А. Субъективно-объективные начала внутреннего убеждения судьи как критерий достижения объективной истины / Т.А. Беккер // Евразийский союз ученых. – 2015. – 12-4 (21). – С. 87 –90.

⁹³ Ефимов, В. Т. Этология как учение о нравах и нравственности : (Вопр. методол.) / В. Т. Ефимов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук. – М. – 1992. – 268 с.

всю архитектуру российского процессуального права, оставляя больше вопросов, чем ответов насчет точности и конкретности предложенных законодателем критериев.

Примером негативной стороны автоматизации судопроизводства может являться дело «Висконсин против Лумиса», при вынесении приговора по которому были учтены риски повторного преступления, рассчитанные на основе программы Compas, анализирующей в совокупности возраст, пол, национальность, образование, доходы, факты биографии, психологические характеристики и иные данные о человеке. В результате американский суд назначил максимальное наказание по делу. Посчитав, что алгоритм сработал некорректно, подсудимый подал апелляционную жалобу, но потерпел поражение. Проблема в том, что проверить корректность функционирования программы практически невозможно: технология принадлежит частной компании, является коммерческой тайной, и принципы ее работы ясны только разработчику. Кроме того, подобные программы становятся сложнее, а значит автономнее, уменьшая способность человека, даже разработчика программы, понимать и контролировать логику «поступков» искусственного интеллекта.

Тем не менее, Верховный суд штата вынес решение против Лумиса, основываясь на том, что компьютерный алгоритм предполагает достаточный уровень прозрачности.⁹⁴

В этой связи, внедрение подобной цифровой технологии устранил необходимость функционирования судов вышестоящих инстанций, полномочных пересматривать решения нижестоящих судов, т.к. решение, выдвинутое искусственным интеллектом, исключает возможность альтернативы.

⁹⁴ Работы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои поступки. – URL : <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 14.06.2021)

Несмотря на имеющиеся прецеденты, видится, что ни Россия, ни другие страны мира на сегодняшний день не готовы внезапно перейти на цифровое правосудие.

Судебное усмотрение – это инструмент для суда в выборе законных альтернатив на основе морально-этических установок. Поэтому исключить институт судейского усмотрения – значит лишить судопроизводство смысла.

В этой связи, видится важным установить пределы цифровизации судебной системы, которую следует ограничить усовершенствованием электронных кодексов, генерацией типовых судебных решений, созданием автоматизированной системы контроля судебной практики и иных средств, которые позволят снизить нагрузку на судебный аппарат, ускорить и усовершенствовать отправление правосудия, преодолеть проблемы судебной волокиты и коррупции, сократить значительную нагрузку на судебный аппарат.

При этом Милан Маркович ⁹⁵ считает, что роботизацию напрасно связывают с вытеснением человеческого труда из юридического сектора. Наоборот, при качественном правовом регулировании внедрения интеллектуальных машин юридические услуги станут более доступны, правовая культура – выше, уровень преступности – ниже. Также автор отрицает идею того, что человек деградирует в качестве разумного существа в условиях массового внедрения искусственного интеллекта, ввиду того, что искусственный интеллект выступает скорее продуктом и помощником, чем заменителем человеческого интеллекта.

Так, например, новые технологии уже сейчас значительно упрощают поиск судебной практики и нормативного материала для формирования правовой позиции по делу или вынесения решения.

Широко распространены онлайн-платформы, которые специализируются на предоставлении потребителям юридических услуг с

⁹⁵ Markovic M. Rise of the Robot Lawyers? – 2019. – URL: <https://scholarship.law.tamu.edu/facscholar/1320> (дата обращения: 14.06.2021).

использованием информационных технологий. Примеры таких ресурсов многообразны: создание ботов для автоматизации рутинной юридической работы; внедрение ресурсов, оснащенных способностью самостоятельно отвечать на типичные юридические вопросы; использование приложений по автоматической подготовке стандартных договоров, жалоб, исковых заявлений и др.

Для действующей системы судопроизводства в перспективе видится возможным, безболезненным и эффективным автоматизировать вынесение стандартных определений суда об оставлении искового заявления без движения в случае несоответствия формальным критериям, об отложении судебного заседания, судебных решений в рамках приказного или упрощенного производства.

По состоянию на сегодняшний день онлайн-платформы ГАС «Правосудие» и «Мой Арбитр» при некоторых технологических усовершенствованиях и под чутким контролем специалистов позволяют провести подобные эксперименты автоматического формирования стандартных определений или решений суда в рамках гражданского или административного судопроизводства.

3.3. Футурологический проект цифровизации исполнительной ветви власти

Проблему повышения качества государственного управления можно назвать традиционной для любого общества в любом историческом периоде. Поступательное совершенствование государственного механизма не снимает и даже не умаляет масштабы заявленной проблемы. Наоборот, сроки действия внесенных улучшений становятся короче, а необходимость замены старых порядков на проактивные новшества проявляется чаще.

На сегодняшний день государство вынуждено отвечать на вызовы общественного развития, связанные с формированием «информационного общества».

Понятие «информационное общество», в целом, тождественно термину «цифровое общество», обозначающему социум, в котором основная масса работников вовлечена в процессы производства, хранения, переработки и реализации информации.

Ввиду того, что «качество» в цифровом обществе определяется такими критериями как мобильность, скорость, модульность, сетевизация, то уровень развития государственного механизма напрямую зависит от степени цифровизации государственных институтов.

Переход на цифровую платформу в государственных учреждениях создает предпосылки для развития устойчивой электронной коммуникации, создает принципиально новые каналы взаимодействия между гражданами, институтами гражданского общества, коммерческими организациями и органами власти.

Таким образом, реальность такова, что цифровая трансформация государственных институтов становится одним из ключевых показателей качества государственного управления.

С одной стороны, действительно, государство в условиях цифровой реальности становится более открытым, прозрачным и подотчетным.

С другой стороны, далеко не всегда внедрение новых технологий оправдывает ожидания и способствует эффективному государственному управлению.

Наоборот, цифровизация государства создает дополнительные угрозы, связанные с формализацией государственного аппарата, отсутствием прямого диалога, механизацией человеческого труда.

В настоящее время ведется активная работа по подготовке руководителей цифровой трансформации (Chief Digital Transformation Officer, CDTO).

В информационном поле появился и стал популярным термин «цифровой чиновник», отсутствие внятного определения которого заставляет с опасением смотреть на будущее государственного управления.

Итак, процесс цифровизации российской системы государственного управления начинается с момента утверждения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (2008 г.) [6].

В рамках данной стратегии начинают разрабатываться первые национальные проекты, направленные на комплексную цифровизацию общества.

В настоящее время ключевым стратегическим документом, регулирующим поступательное распространение цифровизации на все сферы общественной жизни, является Национальная стратегия.

Анализ текста Национальной стратегии позволяет выделить два направления цифровизации, наиболее значимых для целей настоящего исследования.

Во-первых, в Национальной стратегии поставлена задача – повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

Во-вторых, в Национальной стратегии сделан акцент на сквозной характер использования цифровых технологий, проявляющийся в автоматизации рутинных процессов, использовании автономных интеллектуальных устройств и робототехнического оборудования, оптимизации кадровой политики.

Совокупность указанных задач актуализирует проблему возникновения в современном государственном управлении «цифрового чиновника», способного повысить качество оказания государственной или муниципальной услуги (за счет скорости, мобильности, оперативности, модульности и т.д.), значительно минимизировав при этом количество человеческих ресурсов, вовлеченных в процесс выполнения задачи.

Указанная возможность заставляет по-новому, буквально взглянуть на давно известный термин «технократия».

Впервые данный термин был использован в статье У.Г. Смитта «Технократия» – пути и методы достижения индустриальной демократии» (1919 г.). Впоследствии термин широко использовался для обозначения

технически обоснованного решения в менеджменте, в том числе, в государственном менеджменте. На сегодняшний день под термином технократия понимается общество, в котором власть принадлежит узкому кругу научно-технических специалистов.

Примечательно, что впервые термин был использован при переходе из доиндустриальной эпохи в индустриальный мир. Своеобразное возрождение термину принес период трансформации индустриального общества в постиндустриальное (информационное).

Однако, если в первую четверть XX века термин «технократия» был схож с понятием «меритократии», то в первую четверть XIX века термин «технократия» зачастую употребляется в своем буквальном значении как управление обществом с помощью технических и (или) технологических методов.

Появление института цифровых чиновников – Chief Digital Transformation Officer — свидетельствует о том, что каждый сектор власти будет обеспечен «цифровым» руководителем. В средствах массовой информации пользуются популярностью амбициозные идеи свести к нулю количество чиновников, не обладающих цифровыми навыками.

Общественная реакция на институт «цифровых чиновников» предсказуемо неоднозначна.

Коньков А.Е. утверждает, что «разделение политических акторов на собственно политиков (определяющих технологию) и технократов (исполняющих технологию) в определенной степени политизирует саму технологию, однако не цементирует политику, которая лишь продолжает технологизироваться еще дальше».⁹⁶

Чернышов А.Г., критикуя пресыщение технологии в политике и цинизм технократов, отмечает, что технократические ловушки при выстраивании «цифрового» общества путем объявления самого технического

⁹⁶ Коньков, А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации / А.Е. Коньков // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. Вып. 1. – С. 47 – 68.

прогресса ценностью мироздания уводят нас от столбовой дороги действительного развития человеческого сообщества.⁹⁷

Таким образом, не обесценивая значимость цифровизации, следует выделить проблемы технологической трансформации государственного управления.

1. Первая проблема – неэффективность внедрения некоторых Интернет-инструментов, которая предопределяется ярко выраженной разницей между уровнем цифровой грамотности населения.

В результате применение значительных ресурсов для внедрения новейших цифровых технологий в политике оказывается бессмысленным в силу отсутствия потребителей, способных в полной мере использовать предлагаемый государством цифровой продукт.

Данное обстоятельство приводит к необходимости параллельного функционирования цифровых платформ и бумажных аналогов.

Однако «цифровое по умолчанию» означает «цифровое по сути», безальтернативно, иными словами, когда не существует «бумажного» аналога.⁹⁸

Вместе с тем, оптимизация расходов государственного управления может быть достигнута только при условии полноценного цифрового реинжиниринга управленческого процесса.

В этой связи, видится, что внедрению института цифровых чиновников должны предшествовать меры по ликвидации цифровой неграмотности населения.

2. Вторая проблема – низкий уровень IT-компетенций сотрудников органов государственной власти.

⁹⁷ Чернышов, А. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей / А.Г. Чернышов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 319 – 328.

⁹⁸ Сидоренко, Э.Л. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты / Э.Л. Сидоренко, И.Н. Барциц, З.И. Хисамова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 2. – С. 93 – 114.

Согласно исследованию, проведенному НИУ «Высшая школа экономики», навыки работы с компьютерными технологиями наиболее выражены у сотрудников возрастной групп до 30 лет.

Вместе с тем, доля государственных служащих в органах исполнительной власти в возрастной группе 30 – 60 лет превалирует.

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что текущий кадровый состав государственных органах не готов к масштабной цифровой трансформации государственного управления.

В этой связи, одни авторы утверждают, что переподготовка кадров является одним из условий цифровизации экономики. Другие авторы склонны считать, что цифровая трансформация не требует переобучения всех сотрудников организации в ИТ-специалистов.

Отметим, что предпринимаемые попытки прохождения курсов переподготовки, повышения квалификации и развития цифровых навыков целесообразны, но не всегда способствуют оперативному встраиванию работника во вновь создающуюся структуру цифровой власти.

3. Третья проблема – риски автоматизации (машинизации) труда государственных и муниципальных служащих.

Данная проблема может обернуться двумя негативными последствиями.

С одной стороны, машинизация неизбежно ведет к массовому сокращению служащих.

С другой стороны, автоматизация неминуемо воздвигает барьеры для открытого диалога между гражданином и чиновником.

Таким образом, усиление значимости цифровых форматов в мировой политике заставляет государство активно использовать различные имеющиеся у него инструменты для снижения рисков конкуренции в новом пространстве социальных отношений.

Несмотря на достойные одобрения попытки повысить качество современного государственного управления посредством использования

цифровых инструментов, бюрократические проблемы взаимодействия «власть-общество» сменяются технократическими.

Видится, что цифровая трансформация государственных институтов не должна рассматриваться исключительно как реформирование институтов и функций управления на основе создания новых информационных платформ и электронных систем.

С целью безболезненного перехода государства на цифровую платформу важно предусмотреть:

- во-первых, необходимые условия для реализации и применения населением цифровых технологий государственного менеджмента;

- во-вторых, меры по снижению негативных социальных последствий для государственных и муниципальных служащих;

- в-третьих, беспрепятственное соблюдение и охрану политических прав на доступ граждан к участию в принятии властных решений, на открытый диалог и прозрачность власти.

Отметим, что в отсутствие решения текущих проблем цифровизация приводит не к ожидаемому улучшению качества государственного управления, а к появлению новых проблем.

Подведем итоги. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта наблюдаются со стороны многих институтов российского права. Вместе с тем, динамика роста цифровых технологий весьма положительна, а перспективы развития искусственного интеллекта достаточно устойчивы. В этой связи, элементарное средство игнорирования цифровых технологий в целях исключения правовых рисков, вызванных ими, невозможно. Иначе государство будет вынуждено утратить свою конкурентоспособность на мировом рынке и спуститься вниз по общемировой социальной лестнице.

Итак, развитие цифровых технологий демонстрирует продолжительную тенденцию к снижению охранительных способностей существующих правовых институтов, что обостряет конфликт между преимуществами современных технологий и действующим

законодательством. В этой связи, обозначенная диспропорция требует научный поиск баланса и взвешенного подхода к правовому регулированию цифровой сферы.

Сложность представляет тот факт, что в онлайн-пространстве отсутствуют границы национального и зарубежного. Соответственно эффективность работы национальных правоохранительных органов без тесного взаимодействия с международными организациями значительно снижается.

В этой связи, преодоление правовых рисков предполагает разработку новых форм открытой и осознанной публичной дискуссии, новых законодательных механизмов и установление международного сотрудничества, позволяющего более эффективно решать насущные задачи.

Так, Парламентская ассамблея Совета Европы в Рекомендации 2102 (2017) «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека» подтвердила, что законодателю становится все сложнее адаптироваться к скорости эволюции науки и техники и разрабатывать необходимые правила и стандарты.⁹⁹

В этих условиях государство может обеспечить безопасность лишь тех граждан и организаций, которые добровольно пойдут на смягчение стандартов в пределах, необходимых для соблюдения требований международной и национальной безопасности.

Вместе с тем, предусматривая ограничения в праве, следует учитывать, что ограничения должны быть сформулированы с максимальной степенью точности и отражать ответы на вопросы, когда, как и кем могут использоваться указанные изъятия из правового режима.

⁹⁹ Ларина, Е.С., Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир. – 2018 – 416 с.

Заключение

В ходе исследования были отражены масштабные проблемы использования искусственного интеллекта, которые влияют на традиционные институты права.

Во-первых, обозначена проблема определения места искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения.

Проанализированы возможности наделения искусственного интеллекта признаками субъекта права или объекта правового регулирования.

Представляется, что признание искусственного интеллекта субъектом права преждевременно и нецелесообразно. Вместе с тем, обосновывается подход к правовому регулированию искусственного интеллекта как объекта права, которое должно носить комплексный характер и быть сосредоточено на нормах о вещном праве, о причинении вреда источником повышенной опасности, а также нормах об авторском праве.

Во-вторых, изучены актуальные направления правового регулирования искусственного интеллекта, к которым отнесены Большие данные, криптовалюта, киберспорт и информационные (или цифровые) права.

Сделан вывод о том, что указанные направления требуют особого внимания законодателя в части упорядочения общественных отношений, осложненных участием искусственного интеллекта.

Так, правовое регулирование Больших данных требует радикального пересмотра концепции защиты персональных данных.

В целях пресечения незаконных действий, связанных с оборотом криптовалюты, необходима легализация данного вида платежа.

Для правовой регламентации киберспортивных правоотношений важно решить проблемы применения реального права к виртуальной реальности и урегулировать правовой режим компьютерных игр.

В целом, информационное общество, как новый этап бытия, порождает необходимость пересмотреть смысловое наполнение отдельно взятых прав человека, в каждом из которых появляется его «информационная»

составляющая, а также нормативно закрепить новые виды прав человека, в числе которых право на доступ в Интернет и право на забвение.

В-третьих, исследование вопросов правового регулирования искусственного интеллекта рассмотрено сквозь призму юридической футурологии.

Ввиду того, что развитие права – скорее рукотворный, чем естественный процесс, качественный футурологический проект нередко перерастает в стратегию развития с утвержденными целями, задачами, поэтапным планом реализации.

В этой связи, на сегодняшний день разумное опасение вызывают футурологические проекты цифровизации судебной и исполнительной ветвей власти.

В результате проведенного анализа проблемы делегирования некоторых юридических задач искусственному интеллекту сделан вывод о невозможности вытеснения человеческого труда из сферы юридической деятельности, но важности и желательности частичной автоматизации рутинных процессов в целях совершенствования юридической деятельности в органах исполнительной и судебной власти.

Итак, государство в ответ на вызов современности стремится внести точечные коррективы в правовое регулирование цифровизации, однако в условиях колоссальных явных и потенциальных способностей искусственного интеллекта сохранение традиционных правовых институтов видится все более трудным и практически невозможным.

Повсеместное распространение новых технологий размывает границы между человеком и машиной, между действиями в Интернете и вне его, между физическим и виртуальным миром, между естественным и искусственным, между реальной жизнью и виртуальной реальностью.

Видится, что главным правовым риском внедрения искусственного интеллекта является угроза информационной безопасности во всех ее проявлениях.

Таким образом, разработчики, исследователи и лица, финансирующие исследования в сфере искусственного интеллекта, а также в смежных областях, должны исходить из презумпции опасности искусственного интеллекта как основы правового регулирования использования искусственного интеллекта, подразумевая, что созданная или создаваемая технология искусственного интеллекта является опасной для человека, пока не доказано иное.

Библиографический список

Нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. №490. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (Дата обращения 06.05.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/ (дата обращения: 14.06.2021).
3. О внесении изменения в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ : федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.06.2020).
4. О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.06.2020).
5. Устав Общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России». – URL: <https://resf.ru/about/resf/> (дата обращения: 03.06.2021).

Юридическая практика

6. Google Case. – URL .: <http://sutyajnik.ru/documents/4894.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).
7. Решение № 2-160 / 2017 2-160 / 2017 ~ М-129/2017 М-129/2017 от 26.04.2017 по делу №2-160 / 2017. – URL .: <https://sudact.ru/regular/doc/qlEбzawJCy6l/> (дата обращения: 06.05.2020).
8. Апелляционный приговор Верховного суда РФ от 13.09.2018 № 127-АПУ18-8. – URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnyi-prigovor-verkhovnogo-suda-rf-ot-13092018-n-127-apu18-8/> (дата обращения: 06.05.2020).

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018. – URL .: <http://base.garant.ru/61623374/> (дата обращения: 06.05.2020).

Специальная литература на иностранном языке

- 10.Asaro, P. Robots and Responsibility from a Legal Perspective / P. Asaro // Proceedings of the IEEE. – 2007. – 4(14). – P. 20-24.
- 11.Buchanan, B.G. Some speculation about artificial intelligence and legal reasoning / B.G. Buchanan, T.E. Headrick // Stanford Law Review. – 1970. – 23(1). – 40–62.
- 12.Campbell, H. A. Networked Theology: Negotiating Faith in Digital Culture / H. A. Campbell, S. Garner // Baker Academic. – 2016. – P. 18.
- 13.Castronova, E. The Right to Play / E. Castronova // New York Law School Law Review. – 2004. – 49(1). – P. 185–210.
14. Guillemin, G. The right to be forgotten: Whose amnesia / G. Guillemin // Ibid. – P. 229–236.
15. Hamari, J. What is eSports and why do people watch it? / J. Hamari, M. Sjoblom // Internet Research. –2017. – Vol. 27. Iss. 2. – P. 212.
- 16.Joshua, A.T. The Human Element: The Under-Thorized and Underutilized Component Vital to Fostering Blockchain Development. – 2019. – URL .: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlufac/537> (дата обращения: 14.06.2021).
- 17.Marr, B. The Key Definitions Of Artificial Intelligence (AI) That Explain Its Importance. – URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/02/14/the-key-definitions-of-artificial-intelligence-ai-that-explain-its-importance/?sh=d8c01ee4f5d8> (дата обращения: 05.01.2021).
- 18.Milan Markovic Rise of the Robot Lawyers? – 2019. – URL: <https://scholarship.law.tamu.edu/facscholar/1320> (дата обращения: 14.06.2021).

19. Myjer, E. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain / E. Myjer, P. Kempees // *Ibid.* – P. 411–427.
20. Schirmer, J. E. Artificial intelligence and legal personality: Introducing «Teilrechtsfähigkeit»: A partial legal status made in Germany / J. E. Schirmer // *Regulating Artificial Intelligence.* – 2019. – P. 123-142.
21. Trajkovska, M.L. Privacy, freedom of expression and internet / M.L. Trajkovska // *Mélanges en l'honneur de / Essays in honor of Dean Spielmann.* – Oisterwijk: Wolf legal publishers. – 2015. – P. 335–342.
22. Volume of data/information created worldwide from 2005 to 2025 (in zetabytes) // Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/> (дата обращения 06.05.2020).
23. Wright, R. G. The Constitutional Rights of Advanced Robots (and of Human Beings). – 2019. – URL: <https://scholarworks.uark.edu/alr/vol71/iss3/2> (Дата обращения: 14.06.2021).
24. Zołotar, O. Human Rights – From the Enlightenment to the Information Society / O. Zołotar // *Studia nad Autorytaryzmem i Totalita.* – 2016. – №3. – P. 7 – 22.

Специальная литература на русском языке

25. Амбарцумов, Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений / Р.А. Амбарцумов // *Вопросы российской юстиции.* – 2019. – С.132 – 138.
26. Архипов, В. В. Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике / В. В. Архипов // *Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования.* СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества. – 2014. – С. 105–117.

- 27.Архипов, В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В.В. Архипов // Закон. – 2018. – №5. – С. 80 – 92.
- 28.Беккер, Т.А. Субъективно-объективные начала внутреннего убеждения судьи как критерий достижения объективной истины / Т.А. Беккер // Евразийский союз ученых. – 2015. – 12-4 (21). – С. 87 –90.
- 29.Биткоин: одноранговая электронная денежная система. – URL: <https://medium.com/bitcoin-review/> (дата обращения: 06.05.2020)
- 30.Богуславский, Д.С. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России / Д.С. Богуславский, И.В. Смирнова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019 – №24. – С. 35 – 42.
- 31.Боровская, Е.В. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособие / Н.А. Давыдова, Е.В. Боровская. — 3-е изд. (эл.). – URL: <https://rucont.ru/efd/443263> (дата обращения: 06.05.2020).
- 32.Брезгулевская, Л. ВКонтakte & Дабл: дело о запрете продажи данных пользователей базы данных соцсети // Закон.ру. – 2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/12/v_kontakte__dabl_delo_o_zaprete_prodazhi__dannyyh_polzovatelej_bazy_dannyyh_socseti (дата обращения 06.05.2020).
- 33.В России впервые осудили киберспортсмена за нарушение условий контракта. – ULR: <https://www.dota2.net/> (дата обращения: 03.06.2021).
- 34.Васильев, А.А. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А.А. Васильев, Д. Шпопер // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – 6(104). – С. 23-26.
- 35.Войниканис, Е.А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова, Г.С. Тюляев // Гражданское право. Гражданский процесс. – 2018. – №4. – С. 137 – 148.
- 36.Галкин, Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования / Д.В. Галкин // Гуманитарная информатика. – 2007. – Вып.3 – С. 54 – 72.

- 37.Голушков, Д.И. Мотивы принятия судебных решений: всегда ли российские суды разрешают дела исключительно на основе положений закона? / Д.И. Голушков // Вестник Омского университета. – 2018. – 1 (54). – С.20 – 30.
- 38.Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность. М. – 2004. – 364 с.
- 39.Гурковская, М. И. Наследование аккаунта: проблемы и перспективы развития / М. И. Гурковская // Научный аспект. – 2020. – №2.
- 40.Демченко, М.В. Правовое регулирование киберспорта в России и за рубежом / М. В. Демченко, А. Д. Шведова // Инноватика и экспертиза: научные труды. – 2019. – №2(27). – С. 88 – 93.
- 41.Денисов, Э.И. Информационная гигиена и регулирование информации для уязвимых групп населения / Э.И. Денисов, А.Л. Еремин, О.В. Сивочалова, Н.Н. Курьеров // Гигиена и санитария. – 2014. – №5. – С. 43 – 47.
- 42.Джеонг, С «Протокол Биткойн как закон и политика безгосударственной валюты». – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2294124 (дата обращения: 06.05.2020)
- 43.Ефимов, В. Т. Этология как учение о нравах и нравственности : (Вопр. методол.) / В. Т. Ефимов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук. – М. – 1992. – 268 с.
- 44.Запорожан, А.Я. Эволюция финансового рынка. Криптовалюта / А.Я. Запорожан // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. – С. 77 – 85.
- 45.Калугина, Е.Н. Правовая природа мультимедийной игры как объекта интеллектуальных прав / Е.Н. Калугина // Правовой партнер. – 2013. – № 2. – С. 18 – 23.

46. Карлаш, Д.С. Права в области использования больших пользовательских данных / Д.С. Карлаш // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2020. – №1. – С. 46 – 48.
47. Киричѐк, Е.В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение / Е. В. Киричѐк // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – 2(16). – С. 13 – 22.
48. Коньков, А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации / А.Е. Коньков // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. Вып. 1. – С. 47 – 68.
49. Краснов, М.А. Этика европейского понимания прав человека / М. А. Краснов // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2012. – С. 22.
50. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
51. Лапшина, И.Е. Правовое регулирование оборота криптовалют: современное состояние и перспективы / И.Е. Лапшина, М.А. Осочинский // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2019. – № 6. – С. 175 – 180.
52. Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. («Коллекция Изборского клуба») / Ларина Е.С., Овчинский В.С. – М.: Книжный мир. – 2018. – 416 с.
53. Леденцова, И.А. Право на забвение: можно ли затеряться в виртуальной толпе? / И. А. Леденцова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – №3. – С. 161 – 164.
54. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». – 2003. — 464 с.

- 55.Малышкин, А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А. В. Малышкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – 10(3). – С. 444-460.
- 56.Масленникова, О.Е. Основы искусственного интеллекта : учеб. пособие / О.Е. Масленникова, И.В. Попова. — Магнитогорск : МаГУ, 2008. — 282 с.
- 57.Морхат, П. М. К вопросу правосубъектности «электронного лица» / П. М. Морхат // Юридические исследования. – 2019. – №4. – С. 1 – 8.
- 58.Мур, Н. Права и обязанности в информационном обществе / Н. Мур // Научные и технические библиотеки. – 1999. –№1
- 59.Новиков, И.В. Проблемы правового регулирования киберспорта в Российской Федерации / И.В. Новиков // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №9. – С. 426 – 438.
- 60.Овчинский, В. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / В. Овчинский, Е. Ларина. – М.: Книжный мир. – 2014. – 352 с.
- 61.Подрабинок, Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – №1. – С. 290 – 300.
- 62.Поляков, М.П. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы / М.П. Поляков, А.Ю. Смолин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №2 (42). – С. 245 – 249.
- 63.Работы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои поступки. – URL : <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 14.06.2021)

- 64.Разливинских, А.Е. Правовое регулирование компьютерной игры как результата интеллектуальной деятельности / А.Е. Разливинских // Норма. Закон. Законодательство. Право. – 2019. – С. 86 – 88.
- 65.Рашева, Н.Ю. Правовые основы электронной валюты (на примере bitcoin) / Н.Ю. Рашева, О.И. Чиркова // Управление в современных системах. – 2017. – №1(12). – С. 60 – 68.
- 66.Робот-посредник разрешает первое в истории судебное дело. – URL .: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (Дата обращения 06.05.2020).
- 67.Рожкова, М.А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data // Закон.ру. – 2019.. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/что_такое_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения 06.05.2020).
- 68.Савельев, А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Date) / А. И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – С. 43 – 66.
- 69.Седых, И.А. Обзор ключевых отраслей и рынков «Индустрия компьютерных игр-2020» // НИУ ВШЭ. – 2020.
- 70.Середа, М.Ю. Закрепление права на доступ в сеть Интернет в международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран / М.Ю. Середа // Международное публичное и частное право. – 2013. – №5. – С. 44–47.
- 71.Соколова, О.С. Защита персональных данных посредством права на забвение / О.С. Соколова // Современное право. – 2016. – №9. – С. 69 – 72.

72. Соменков, С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С.А. Соменков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – №2. – С. 75 – 85.
73. Соснин, К.А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт / К.А. Соснин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – С. 30 – 43.
74. Урошлева, А. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» – злободневные вопросы IT-сферы // Гарант.ру. – URL: <http://www.garant.ru/article/1229761/#ixzz64SV8SGZD> (дата обращения 06.05.2020).
75. Фуллер, Л.Л. Анатомия права / Л.Л. Фуллер // Российский ежегодник теории права. – 2009. – №2. – С. 313.
76. Хидзев, А.Т. Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия / А.Т. Хидзев // Право и современные государства. – 2014. – №4. – С.10 – 15.
77. Цуканова, Е.Ю. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом / Е. Ю. Цуканова, О. Р. Скопенко // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. № 4А. – С. 42 – 48.
78. Чернышов, А. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей / А.Г. Чернышов // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 319 – 328.
79. Шестак, В. А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 197– 206.
80. Щербович, А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России / А. А. Щербович // Вестник

Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества Ежеквартальный научно-практический журнал
Копирайт. – 2015. – №3. – С. 57 – 70.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ ВКР

Выпускная квалификационная работа выполнена мной совершенно самостоятельно. Все использованные в работе материалы и концепции из опубликованной научной литературы и других источников имеют ссылки на них.

« ___ » _____ г.

(подпись)

(Ф.И.О)